

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

НИКОЛАЙ ТОМАН

*Вынужденная
посадка*

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

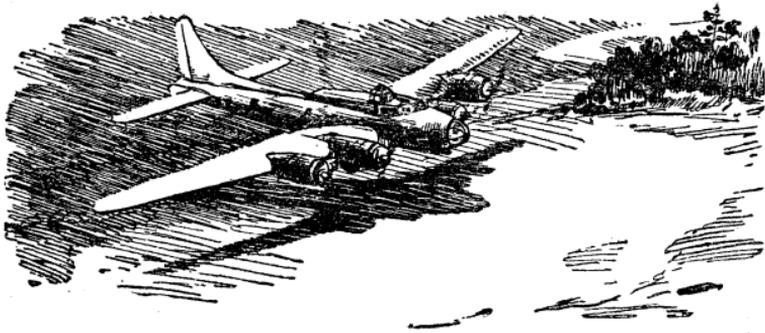
НИКОЛАЙ ТОМАН

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Повесть

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Москва — 1955

1. В ШТАБЕ ИНЖЕНЕРНОЙ БРИГАДЫ

В штабной землянке за раскладным деревянным столиком сидел старший писарь Василий Федорович Батюшкин. Перед ним, понуро опустив голову, стоял рослый, хорошо сложенный молодой писарь Антон Дымов. Всего лишь неделю назад прибыл он в инженерную бригаду из запасного полка вместе с другими саперами. В тот же день, оформляя документы пополнения, Батюшкин обратил внимание на удивительно красивый почерк рядового Дымова. Это и решило участь молодого сапера, так как в бригаде давно уже была вакантная должность младшего писаря.

Василий Федорович Батюшкин, работавший в мирное время бухгалтером в колхозе, за два года войны освоил штабную службу во всех ее тонкостях и даже горячо полюбил свою беспокойную должность. Был он в служебное время строг и требователен к подчиненным и, пользуясь своим более чем двойным превосходством в возрасте, не упускал случая прочесть

нотацию, или, как он выразался, «напутствие», рядовому и сержантскому составу штаба за малейший промах в работе.

Целую неделю пристально присматривался Батюшкин к Дымову и отметил с сожалением, что не было у него склонности к писарскому делу. Более того, парня, видимо, даже тяготила эта работа. И вот теперь, рассматривая донесение, написанное Дымовым по заданию начальника штаба, старший писарь сокрушенно покачивал головой.

— Понять не могу, в чем тут дело,— укоризненно говорил он, пощипывая колючую щеточку седых усов,— то ли ты без души за дело берешься, то ли нет у тебя к штабной службе призвания.

Дымов, уставившись неподвижным взглядом на выбритую до блеска голову Батюшкина, смущенно переминался с ноги на ногу.

— Один, видимо, у тебя талант, Антон,— заключил со вздохом старший писарь,— почерк каллиграфический. Во всем остальном...

Не договорив, он безнадежно махнул рукой.

— Так ведь я этого не отрицаю, товарищ старший сержант,— уныло отозвался Дымов.— Нет у меня влечения к писарскому делу. Я по саперной части дальше бы пошел. В запасном полку говорили, что минер из меня хороший может получиться.

— В минеры, значит, рвешься,— нахмурился Батюшкин.— Боишься, что повоевать не успеешь? Ничего, брат, хватит и на тебя фашистских мин. На союзничков-то не очень велика надежда. Самим придется фашистскому зверю хребет ломать.

— А ведь они обещаются, что вот-вот второй фронт откроют,— неуверенно заметил Дымов.

— Обещаются,— усмехнулся Батюшкин, и на продолговатом лице его появилось множество глубоких морщинок. — Кто обещается? Господин Черчилль?

— Так ведь он речи такие произносит,— смутился Дымов. — Читали, верно, во вчерашней газете?

— Ты что же, значит, речам господина Черчилля очень веришь? — вскинул старший сержант насмешливые глаза на молодого писаря. — А я, брат, с делами его познакомился еще в 1918 году под Архангельском.

Дымов не успел ничего ответить на это, так как с шумом распахнулась вдруг дверь и в землянку вбежал запыхавшийся чертежник сержант Мгеладзе. Он был почти ровесником Дымова, но щегольские черные усики делали его на вид значительно старше писаря.

— Что ворчишь, Василий Федорович? — весело крикнул он. — Почерк от этого у Антона может испортиться, что тогда будешь делать? Новость лучше послушай. Союзники к нам в гости пожаловали.

— Что мелешь! — нахмурился Батюшкин. — Какие союзники? Они, видно, так жаждут встречи с нами, что ждут не дождутся, пока мы к Атлантическому океану выйдем, потому как идти к нам через всю Европу для них невыносимо долго.

— Зачем шутки шутить,— обиделся Мгеладзе. — Лично видел настоящих живых союзни-

ков. Самолет, что на рассвете возле нас приземлился,—слышал?

— Ну, слышал, — неохотно отозвался Батюшкин. — Так что?

— Так это ж американская «летающая крепость» вынужденную посадку сделала.

— Заблудилась она, что ли? — удивился Дымов.

— Какое там заблудилась,—махнул рукой Мгеладзе. — Гитлеровцы подбили. А на самолете американские летчики, которые в челночных операциях участвуют.

— В челночных операциях? — переспросил Дымов.

— Ну да, в челночных,—повторил Мгеладзе. — Из Англии через Германию к нам летают и таким же путем обратно. В общем, как ткацкий челнок: туда-сюда, понимаешь?

— Чего ж тут не понять! — усмехнулся Батюшкин. — А что толку, однако, от этих челночных полетов? Разве это существенная помощь нам в войне с фашизмом?

Мгеладзе хотел что-то ответить Батюшкину, но в это время послышались громкие голоса у входа в землянку.

Старший сержант насторожился и приказал чертежнику:

— Что за шум там такой? Пойди разведай.

Мгеладзе схватил пилотку и стремглав выбежал из землянки.

— Неспкойный характер у парня,—добродушно улыбнулся Батюшкин.

— Товарищ старший сержант! — раздался снаружи голос Мгеладзе. — Можно вас ото-

рвать на минутку от работы? Распорядиться тут нужно.

Старший писарь нехотя вылез из-за стола и не спеша пошел к выходу из землянки.

— Ну, что тут такое? — спросил он, просовывая голову в дверь.

— Распорядились бы, товарищ старший сержант, чтобы американского сержанта к нам пропустили, — сказал Мгеладзе, кивнув на стоящего рядом с часовым высокого сухопарого человека в пилотке, лихо заломленной набок.

Американский сержант небрежно отдал честь и приветливо кивнул Батюшкину:

— Хеллоу!

— Привет, — буркнул Батюшкин, не выражая большой радости по случаю столь неожиданной встречи с союзником.

— Ай эм глед ту си ю, сардж! — улыбаясь, произнес американец. — Ду ю спик инглиш?

— Что он такое говорит? — спросил старший сержант, удивленно поглядывая на американца.

— Уверяет, что рад вас видеть, — перевел Мгеладзе, учившийся до войны в университете и знавший английский язык. — Спрашивает, говорите ли вы по-английски?

— А ты что, не знаешь разве, говорю я или нет?

— Я-то знаю, — рассмеялся Мгеладзе. — А вот он не знает.

— Теперь тоже знаю, — улыбаясь, заметил американец. — Попробую тогда сам говорить по-русски. Только это у меня не очень хорошо получается.

И он засмеялся, обнажая большие неестественно белые зубы.

— Очень хорошо получается. Вэри уэлл! — похвалил его Мгеладзе и, повернувшись к Батюшкину, добавил, понизив голос:

— Неудобно, знаешь, держать гостя на улице.

— Ладно, не учи, — проговорил Батюшкин и критически посмотрел на продолжавшего удыхаться американца.

— Минуточку, — сказал он наконец, заставив себя любезно улыбнуться гостю, и с неожиданной поспешностью скрылся в землянке.

Торопливо сняв трубку телефонного аппарата, старший писарь назвал позывной начальника штаба.

— Докладывает старший сержант Батюшкин, — произнес он, как только услышал голос майора Ратникова. — Союзник тут к нам пришел. Как с ним быть?

— Воздушный союзник? — спросил Ратников.

Батюшкин, сообразив, что начальнику штаба, видимо, уже известно что-то о «летающей крепости», торопливо ответил:

— Челночник, товарищ майор.

— У меня сейчас «хозяин», и я очень занят. Пригласите его в землянку Чуенко и займите там чем-нибудь. Я позвоню минут через пятнадцать. Поняли меня?

— Так точно, понял.

— Действуйте в таком случае.

Батюшкин положил трубку и поспешил к выходу. Распахнув дверь, он снова улыбнулся

американцу, беспечно жевавшему какую-то вязкую массу.

— Прощу прощения, господин сержант, — произнес Батюшкин. — У вас, верно, какие-то важные дела, так я начальство вызвал.

— Да мне необязательно ваш командэр, — небрежно ответил американец. — Мне нужен ваш уайлыс оперэйтэр, радист.

— А, радист! — обрадовался Батюшкин. — Это можно.

И старший сержант, пригласив гостя следовать за собой, направился к землянке радиста Чуенко, которая была рядом. Младший писарь Дымов, с любопытством высунувшийся из дверей штабной землянки, хотел было последовать за ними, но Батюшкин сердито махнул на него рукой и приказал:

— Останьтесь за меня, товарищ Дымов.

— Слушаюсь, товарищ старший сержант, — не очень весело отозвался младший писарь.

В землянке сержанта Чуенко стояла полевая радиостанция. Вот уже несколько дней она работала только на прием в определенные часы суток и не вела никаких передач: армия усиленно готовилась к наступлению, и все передачи по радио временно были запрещены.

Батюшкин открыл дверь землянки и, пригласив американца пройти вперед, последовал за ним вместе с Мгеладзе. Радист Чуенко, читавший какую-то книжку, поднялся навстречу, с удивлением рассматривая необычного гостя.

— Хау дюю ду! — весело крикнул американец, кивнув сержанту.

Чуенко молча приложил руку к пилотке.

В землянке стояло несколько деревянных столиков. Батюшкин выдвинул из-под одного из них табуретку и предложил гостю:

— Прошу присаживаться.

— О, тэньк ю! — улыбаясь, закивал головой американец и, достав из кармана пачку сигарет, протянул их по очереди всем присутствующим. — Вот попробуйте, плиз... пожалуйста.

Батюшкин недоверчиво помял сигарету в руках, не торопясь закуривать.

— Это «Лаки Страйт». Бэст брэнд!.. высшая марка, — похвалился американец, подбирая сигарету вверх и ловко ловя ее губами.

— М-да... — неопределенно промычал Батюшкин, нюхая сигарету. — Вы, однако, по какой нужде к нам, господин сержант?

— Наша рэйдиоу... как это будет по-русски? Да, да, радиостанция испортилась, понимаете? Я... — американец ткнул себя пальцем в грудь, — есть уайлыс оперэйтэр, радист. Наша «флаинг фортрис», что значит «летающая крепость», сделал фост лэндинг. Как это по-вашему?

— Вынужденную посадку, — перевел Мгеладзе, довольный представившемуся случаю показать свои знания английского языка.

— О, да! Совершенно верно, вынужденную присадку! — воскликнул американец, бегая глазами по столам. Заметив возле сержанта Чуенко развернутую топографическую карту, он продолжал, заметно оживясь: — Я хочу посмотреть вашу мэп, что значит карту. Вы покажете мне на ней ваше местоположение — лоукейшн.

С этими словами он потянулся было за картой Чуенко, но Мгеладзе энергично взял его за

руку чуть повыше локтя и произнес внушительно:

— Минуточку! Прошу прощения или, как это у вас говорится, ай бэг йо падн. Эта карта совсем для другой цели, но у вас ведь и своя имеется.

Мгеладзе кивнул на висевший через плечо американца планшет, сквозь разграфленную прозрачную пластинку которого отчетливо виднелась топографическая карта.

— О, да! — смущенно спохватился американский сержант. — Я и забыл.

Радист Чуенко, с явным неудовольствием посасывавший американскую сигарету, чуть слышно буркнул:

— Ото хитряк.

Американец не особенно охотно достал карту из планшета и расстелил ее на столике:

— Вот, пожалуйста!

Карта была новенькая, без пометок. Даже маршрут челночной операции не был на ней прочерчен. Мгеладзе заметил, однако: карта была сложена так, что на верхнем листе ее оказалась как раз та местность, на которой находились штаб инженерной бригады и участок переднего края фронта. Обратил внимание Мгеладзе и на то, что карта была более крупного масштаба, чем аэронавигационные, которыми обычно пользуются летчики.

— Мы находимся примерно вот здесь, — произнес он, нанося на карту овал красным карандашом.

— О, кэй! — удовлетворенно воскликнул американец и спрятал карту в планшет.

С лица его не сходила счастливая улыбка. Казалось, он был страшно рад, что видит этих русских парней. Достав еще одну пачку сигарет, он снова радушно протянул ее сначала старшему сержанту, затем всем остальным.

Батюшкин хоть и взял сигарету, но заметил при этом:

— Жидковат табачок-то против нашего.

Чуенко поморщился, будто ему предложили что-то очень кислое, и решительно отказался от сигареты. Один только Мгеладзе вежливо поблагодарил американского сержанта, хотя и ему сигарета не пришлась по вкусу.

— Так вот, — заговорил между тем американец, — наш оулд мэн... как это будет по-вашему? Ага, старик. Наш старик приказал мне связаться по радио с начальником нашей эй-виэйшн службы на вашей территории.

— Який такой старик?—удивился Чуенко.—
Що цэ за диды там на ихней «фортэции»?

Американец рассмеялся:

— Старик — это командир нашей «фортрис». А вы, кажется, будете мой коллега?

Чуенко встал и не очень охотно представился:

— Петро Чуенко.

— Очень рад! — оживленно вскочил американец и протянул Чуенко руку. — Сержант Джордж Гэмп. Очень рад познакомиться с вами, мистер Питер! Очень!

«Мистер Питер», смущенно улыбаясь, так стиснул руку Джорджу Гэмпу, что тот чуть не закричал от боли.

— О, вы чертовски сильный парень! — воскликнул он, тряся в воздухе онемевшими паль-

цами. У нас в Штатах мне так крепко стискивал руку только один мой чам, приятель. Но он был чемпион по хэндшэйк, по рукопожатиям. Наши Штаты — страна чемпионов. Я тоже, когда учился в колледже, был чемпионом по плевкам в длину.

С этими словами Джордж Гэмп так ловко плюнул через всю штабную землянку, что Чуенко даже воскликнул:

— Ото да!

— Вай-вай-вай!.. — прищелкнул языком Мгеладзе.

Батюшкин только сокрушенно покачал головой.

Довольный своим успехом, американский сержант, давно уже поглядывавший на рацию, развязно направился к ней со словами:

— Надеюсь, коллега не будет возражать, если я свяжусь со своим начальством и доложу, что наша старушка «фортрис» жива, хотя и не совсем здорова.

— Э, нет, шановный чемпион плюваков! — заслонил своей мощной фигурой рацию Петро Чуенко. — Я мог бы под свою видповидальность дозвольты вам скорыстуватыся моею рацией тильки у тому випадку, якбы вы малы право виддаты приказ войскам союзников видкрыты вторый фронт.

— Уот хэз хи сэд? — удивленно спросил Гэмп.

— Он спрашивает; — смеясь, перевел американцу слова Чуенко Мгеладзе, — имеее ли вы полномочия отдать по радио приказ об открытии второго фронта?

— О, ноу! Я не имею таких полномочий! — испуганно воскликнул Гэмп.

— В такому рази, — хмуро заявил Чуенко, — почекайте дозволу начальства. Прошу выбачения, алеж без того нэ маю права допустыты вас до рации.

— У нас насчет этого строго, — добавил Батюшкин. — Без начальства ни в коем случае.

— О, дисциплина! — понимающе воскликнул американский сержант. — У нас не так строго, но тоже есть дисциплина. Это я понимаю. Но я не спешу, я могу подождать.

В это время раздался звонок телефона, и Батюшкин с облегченным вздохом направился к аппарату.

— Старший сержант Батюшкин, — произнес он в трубку и, выслушав распоряжение майора Ратникова, ответил: — Слушаюсь. Понял вас.

Торопливо положив трубку аппарата, он разъединился с начальником штаба и попросил связистку соединить его со штабной землянкой, в которой находился Дымов, а когда тот ответил, приказал ему:

— Немедленно зайдите к Чуенко, товарищ Дымов.

Положив трубку, Батюшкин повернулся к Гэмпу, который сидел, прислонившись к стене и так высоко забросив ногу за ногу, что чуть не положил ее на стол. Казалось, он всецело погрузился в жевание своими огромными челюстями резинки и не обращал никакого внимания на телефонный разговор старшего сержанта.

— Господин Гэмп, — обратился к нему Батюшкин, — наш командир просит вас к себе.

Заметив входившего в землянку Дымова, Батюшкин распорядился:

— Проводите господина сержанта к майору Ратникову, товарищ Дымов.

— Слушаюсь, товарищ старший сержант! — ответил Дымов, прикладывая руку к пилотке и щелкая каблуками.

— Оки-доки! — развязно воскликнул Гэмп и не очень охотно поднялся со своей табуретки. — Гуд бай! Мы еще повидаемся. Прощу сигареты на память.

И, бросив на стол пачку сигарет, он вышел из землянки вслед за Дымовым.

— Баба з возу — кобыле легче, — усмехнулся Чуенко.

— Принесет же нелегкая такого гостя, — сокрушенно вздохнул Батюшкин, вытирая потный лоб.

— Э, да ты никак взмок? — удивленно воскликнул Мгеладзе, глядя на мокрый лоб Батюшкина.

— Взмокнешь тут с вами, — смущенно улыбнулся старший сержант. — Знаю ведь я твой характер. Вся душа нараспашку. Восточное гостеприимство... Вот и подумал, было, что сейчас рассыпешься в любезностях перед союзником, сболтнешь лишнее. А получилось толково. Ловко ты его с картой проучил.

Кивнув в сторону Чуенко, он добавил:

— За этого медведя я, правда, меньше боялся. Цэ хитрый хохол! Хотя и тут дрогнуло было сердце, когда американец к рации поперся. Однако тоже довольно ловко обошлось.

А ситуация была щекотливая. Как-никак с союзником встретились. Тут уж хочешь не хочешь, а будь любезным, однако ж и ушки держи на макушке.

— Да вжеж не от великого к нам кохания тягнуть союзнички з видкрытьем второго фронту, — убежденно заметил Чуенко. — Вид таких союзничков всього можно ждати. А що до плювальної майстерности американського сержанта, то нэ знаю як чому иншому, а цыму искусству дуже добрэ навчылы його в калэдже. Шоб так гарно плюваты, трэба три чи пять рокив тильки той робыты, що на вси инши науки наплюваты.

2. ОПАСЕНИЯ КАПИТАНА КРОКЕРА

Капитан Чарльз Крокер лежал в тени густого кустарника неподалеку от своего «Боинга Би-17». С трудом приземлил он на рассвете тяжелый самолет на довольно ровную и достаточно твердую площадку, почти не повредив машины. Люди его экипажа в одних трусиках лениво копались теперь во внутренностях моторов, регулировали элероны и заделывали дыры в фюзеляже от попадания зенитных снарядов. Не обращая на них внимания, Крокер рассеянно следил за проворной пчелкой, перелетающей с цветка на цветок.

«Чертовски рискованное положение, — невесело думал капитан, почесывая затылок, — сидеть тут с совершенно исправным самолетом и инсценировать неотложный ремонт... А ведь русские не такие простаки, чтобы не понять, в чем дело. Не случайно, верно, приходили ут-

ром советские офицеры предложить свою помощь в ремонте самолета. Советская контрразведка, может быть, уже догадывается об истинной причине вынужденной посадки «летающей крепости». Того и гляди, явятся сюда русские автоматчики...»

Крокер тяжело вздохнул и с досадой плюнул на пчелку, трудолюбиво собиравшую нектар с цветка почти под самым носом капитана.

Вспомнилось, как накануне вылета в этот последний рейс подошел к нему командир эскадрильи майор Кэтл и заявил, что полковник из «Офис оф стретеджикэл сервис»¹ собирается на его «фортрис» перебросить к русским «своего человека». Зная, какого рода делами занимается «Офис оф стретеджикэл сервис», Крокер не пришел в восторг от сообщения майора и попытался даже «открутиться» от подобного задания.

«А чего ты боишься, старик, — заметил ему на это майор Кэтл. — Ведь твое дело маленькое — посади свой «Би-сэвентин» в распоряжение русских да сделай вид, что ремонтируешь машину. Об остальном не тебе голову ломать. А выбор пал на тебя потому, что «фортрис» твоя больше остальных пострадала в последнем полете, так что внешний вид ее не должен вызвать подозрения у русских. Похоже будет, что ее и в самом деле подбили».

И вот капитан сидел теперь здесь и поджидал агента Управления стратегических служб, выдававшего себя за радиста Гэмпа.

---

¹ «Управление стратегических служб» — американская разведывательная организация.

Чарльз Крокер был типичным военным карьеристом и для продвижения по службе мог пойти на любой риск. Предложи ему майор Кэттл лететь с подобной «миссией» не на территорию Советского Союза, а в любую другую страну, он, не раздумывая, согласился бы на это. В случае удачи такая «операция» сулила боевую награду, а может быть, и повышение в чине. Крокер, однако, слишком хорошо знал, что такое Советский Союз, и понимал, чем может кончиться его карьера в случае провала «миссии» Гэмпа.

Да и сам Гэмп не очень понравился Крокеру.. Слишком уж он был самоуверен и нагл. А тут этим не возьмешь. Тут нужна тонкая работа. Малейшая неосторожность может ведь погубить все дело. Крокер хорошо помнил печальную судьбу своего друга, летчика Гарри Уайза, прилетевшего в Советский Союз год назад в район Мурманска почти с подобной же целью.

На всякий случай, впрочем, Чарльз Крокер уже придумывал себе оправдание. Ему казалось самым благоразумным сделать вид, что он понятия не имеет, с какой целью прибыл в Советский Союз Джордж Гэмп, если того постигнет вдруг неудача. Нужно только, чтобы Гэмп никого из экипажа не впутывал в свою игру.

«Пусть сам вынюхивает, что ему здесь надо, — невесело размышлял капитан, — а мои остолопы только все дело могут испортить. Утром сегодня что-то уж очень подозрительно переглядывался он с моими парнями. Нужно будет хорошенько присматривать за ними...»

Подумав об этом, Крокер сразу же вспомнил очень преданного ему сержанта Дика Мейда, бортмеханика «летающей крепости». Преданность эта была, правда, далеко не бескорыстна, но Крокеру важно было лишь то, что парень верно служил ему и аккуратно доносил о всех происшествиях и настроениях экипажа. Моральная же сторона этого дела менее всего волновала его.

Повернувшись на бок, капитан посмотрел на своих людей, вяло возившихся у бортов «летающей крепости», и стал искать глазами щупленькую фигурку Дика Мейда.

«А ведь здорово, черт возьми, изрешетили мою старушку! — подумал Крокер, всматриваясь в фюзеляж самолета, на борту которого были изображены две карты — валет и туз пик с крупной надписью по бокам: «Блэк Джэк», — но кто это, черт побери, намалевал под «Черным Джеком» девицу в купальном костюме?»

Капитан выругался и хотел было подняться, чтобы найти «живописца» и заставить его стереть красотку «Чико» с борта «летающей крепости», как вдруг услышал позади себя осторожные шаги. Торопливо обернувшись, он увидел лисью мордочку Дика Мейда.

— Простите, сэр, что я беспокою вас, — негромко хриповатым голосом произнес сержант, — но мне хотелось сообщить вам кое-что...

— Садись, Дик, — кивнул Крокер сержанту, — выкладывай, что там у тебя такое.

Мейд осторожно присел рядом и, оглянувшись по сторонам, произнес, еще более понизив голос:

— Я по поводу сержанта Гэмп, сэр.

Капитан насторожился и тоже невольно осмотрелся по сторонам. Мейд сделал паузу, будто у него неожиданно перехватило дыхание, и продолжал, склонившись чуть ли не к самому уху капитана.

— Сержант Гэмп, сэр, подбивает тут кое-кого пройтись посмотреть, что делают русские. Обещает за это деньги.

Лицо капитана помрачнело. Оправдались, значит, его опасения. Жди теперь неприятностей.

— Черт бы побрал этого Гэмп! — раздраженно выругался он.

Мейд покосился на мрачное лицо капитана и продолжал с опаской:

— Прошу прощения, сэр, но мне вообще показалось странной эта неожиданная замена перед самым отлетом нашего старого радиста сержантом Гэмпом...

— Не твоего ума это дело, — сердито прикрикнул на Мейда Крокер и спросил: — Что же этот Гэмп так прямо и сделал всем свои предложения?

— Обо всех не знаю, сэр, но Макреди он предлагал. Макреди сам сказал мне об этом по секрету.

Помолчав, Мейд добавил, бросив тревожный взгляд на проехавшую неподалеку автомашину с советскими солдатами:

— Как бы у нас неприятностей не получилось из-за этого. Похоже, что русские присматривают за нами...

— Ну, ладно, Дик! — оборвал его Крокер. — Я уже сам как-нибудь разберусь в этом. Ты,

однако, присматривайся ко всему повнимательнее. Услышишь что-нибудь важное — немедленно доложи. А теперь иди и займись своим делом.

— Слушаюсь, сэр.

Сержант торопливо поднялся с земли и вскоре скрылся за кустами, а капитан Крокер долго еще лежал на траве, раздумывая, как лучше оградить себя от возможных неприятностей на советской земле из-за «миссии» Джорджа Гэмпа.

3. ПЛАН КОМАНДИРА БРИГАДЫ

Командир инженерной бригады полковник Ковалев, веселый, жизнерадостный человек, был в приподнятом настроении. Даже всегда тщательно выглаженная гимнастерка его казалась сегодня какой-то особенно праздничной, будто полковник на парад собрался.

— Ну, начальник штаба, все, кажется, идет, как надо, — оживленно говорил он майору Ратникову, и свежее, гладко выбритое лицо его сияло счастьем. — Командование окончательно утвердило наш план форсирования водной преграды. Разрешите поздравить вас с этим фактом.

Он звонко хлопнул ладонью по протянутой руке майора и крепко пожал ее.

— Только бы теперь до конца сохранить все в тайне, — заметил осторожный майор Ратников, считавший в глубине души, что торжество командира бригады преждевременно.

Но полковник теперь уже больше не сомневался в успехе. Волновался он лишь до тех

пор, пока командование обсуждало тщательно разработанный им и его штабом план форсирования реки. Эти томительные дни ожидания были нестерпимы для него, ибо он всем сердцем верил в то дело, осуществить которое ему предстояло. То, что предложил он командованию, не было только эффектным трюком, основанным на риске. Нет, тут все было гораздо надежнее, так как решение полковника Ковалева вытекало из глубокого понимания им оперативной задачи и сложившейся на фронте обстановки, а главное, основывалось на несокрушимой вере его в своих саперов, боевой выучкой которых он занимался изо дня в день. Конечно, в успехе операции важно было все: и скрытность подготовки, и внезапность действий, и дезориентация врага. Все это и предусматривалось планом полковника Ковалева, но главным он все-таки считал высокое искусство, отвагу и преданность Родине своих саперов.

Понимал полковник и осторожность своего начальника штаба и объяснял ее не только свойствами характера майора Ратникова. Осторожность тут была просто необходима, и он очень ценил майора за умение предусмотреть десятки возможных случайностей, могущих возникнуть в ходе осуществления боевой задачи. В этом умении предвидеть возможные неприятности он тоже усматривал значительную долю успеха.

Не раз уже выверял полковник Ковалев все элементы разработанного им плана, но сейчас ему захотелось еще раз все взвесить. И не столько для себя, может быть, сколько для

того, чтобы устранить последние сомнения в душе майора Ратникова. Хорошо зная характер своего начальника штаба, Ковалев догадывался о возможности таких сомнений.

Пройдясь несколько раз по просторной землянке, полковник остановился возле карты, разостланной на столе, и энергично провел пальцами по изгибам реки, вдоль которой проходила линия фронта.

— По всему видно, — сказал он, — как нервничают гитлеровцы, пытаюсь определить, где же решимся мы перебросить свои войска на тот берег. С точки зрения инженерных наставлений по преодолению водных преград, наиболее вероятные места для форсирования реки вот здесь, конечно.

Полковник быстро начертил ногтем воображаемые линии в разных местах поперек реки и продолжал:

— Тут и лес неподалеку, и берега реки подходящие, и дороги в хорошем состоянии. Есть и площадки, удобные для подвоза инженерного имущества. Табельные переправочные средства, тяжелые понтонные парки, к примеру, здесь легко использовать. Словом, с точки зрения немецких военных педантов, форсировать реку мы будем именно в этих пунктах.

Полковник снова пересек ногтем в нескольких местах голубую ленту реки и, подняв руку, еще раз с чувством опустил ее на новый участок.

— А мы однако ж форсируем ее вот здесь! — воскликнул он и повернул к майору Ратникову разгоряченное лицо с весело блестящими гла-

зами. — Да, да, именно здесь, в самом, казалось бы, неподходящем месте. Могут ли допустить немцы, что мы форсируем реку именно здесь?

— Вне всяких сомнений, мысль такая не придет им в голову, — ответил начальник штаба. — Нужно только не дать им ни малейшего повода к догадке.

— Что же может послужить им догадкой? — удивился полковник. — Все, что мы затеяли, никак не вяжется с общепризнанными вариантами и нормами. Враг к тому же знает о нашем тяжелом понтонном парке. Я специально приказал продемонстрировать его фашистской авиационной разведке. Когда гитлеровский разведывательный «Фокке-Вульф» был обнаружен в воздухе, наши машины с понтонным парком вышли из лесочка и на виду у него продемонстрировали в район ложной переправы.

— Ну, на эту удочку они могут и не пойти, — усомнился майор Ратников.

— Согласен. Они могут не поверить в ложную переправу, но ведь в то, что нами подтянут тяжелый понтонный парк, должны же они поверить?

— В существование парка нельзя будет не поверить, раз его обнаружила авиаразведка.

— А раз они знают о наличии у нас парка, допустят ли, что мы его не используем? — хитро прищурясь, спросил полковник.

— Вряд ли.

— А раз так, значит, и нашу переправу будут предполагать именно в тех местах, где возможно использование такого парка. Мы же наметили форсировать реку в таком месте, где

тяжелый понтонный парк немислимо использовать. Но ведь мы и не собираемся его использовать. Мы будем наводить здесь деревянные мосты на рамных опорах.

Ковалев долго задумчиво смотрел на карту, пытаясь представить, как ляжет через реку будущий мост, намеченный здесь пока только несколькими скупыми линиями. И ему трудно было вообразить себе это. Мост, о котором шла речь, был уже готов, только соорудили его довольно далеко от переднего края фронта, на пологом овраге, сходном по профилю с профилем реки, которую предстояло форсировать. Саперы полковника Ковалева уже несколько дней тренировались на скоростной сборке этого моста.

Оторвавшись, наконец, от карты, Ковалев спросил Ратникова:

— Вы, кажется, собирались пригласить к себе американского сержанта?

— Так точно, товарищ полковник; если вы разрешите.

— Пожалуйста. Мне самому любопытно узнать, с какой целью он пожаловал к нам.

Майор Ратников взял трубку с телефонного аппарата и связался с Батюшкиным, а спустя минут пять в дверь постучался кто-то.

— Войдите! — крикнул полковник.

Через порог перешагнул младший писарь Дымов, плотно прикрывая за собою дверь.

— Товарищ полковник, — обратился он к Ковалеву, — разрешите доложить майору.

— Докладывайте.

— Ну что, привели? — не ожидая его доклада, торопливо спросил Ратников.

— Так точно, привел, товарищ майор, — ответил Дымов и добавил, покосившись на дверь и понизив голос: — Хочу доложить, товарищ майор: подозрительная личность этот американец.

— Почему такое заключение сделали? — удивился Ратников.

— Ведет себя странно. Всю дорогу вопросы мне разные задавал. Да и русским языком он, видимо, не плохо владеет, прикидывается только, будто не особенно в нем силен. Так что вы учтите это.

— Ладно, учтем, товарищ Дымов, — улыбнулся Ратников, — а о чем же он расспрашивал вас?

— О разном. Все больше обстановкой интересовался. Не в лоб, конечно, но я ведь тоже понимаю, что к чему, и так ему отвечал, что он не понял ничего. За дурачка, видно, меня принял. Разозлился даже. Балбесом обозвал. Стерпел я, конечно, для пользы дела.

Ковалев с Ратниковым, улыбаясь, переглянулись.

— А с кем же вы этого американца там оставили? — спросил полковник, кивнув на дверь.

— Ефрейтор Серегин за ним присматривает.

— Пригласите сюда американского сержанта, товарищ Дымов, — распорядился командир бригады.

— Слушаюсь! — ответил младший писарь и, приложив руку к пилотке, четко повернулся кругом.

— Отличная строевая выправка у вашего Дымова, да и смекалист, видно, — заметил

Ковалев.— Что же вы его на писарской работе держите?

— Почерк у него еще лучше, чем выправка, товарищ полковник, — улыбнулся майор Ратников.— А смекалка и на писарской работе нужна.

Рослый сержант Гэмп, низко пригнувшись, переступил порог землянки. Улыбаясь во весь рот, он шел, держа руку у пилотки.

— Сержант Джордж Гэмп, сэр,— представился он, останавливаясь в трех шагах от полковника. — Радист с «Боинга Би-сэвентин».

— Слушаю вас, господин сержант,— сказал полковник.— Чем могу быть полезным?

— Наша «фортрис» потерпела би хэд ту форс лэнд... аварию,— продолжал Гэмп.— Рация би аут ов экшн... как это по-русски? Вышла из строя, не работает. Наш командир просит хэлп... оказать помощь.

— В чем именно?

— Разрешите воспользоваться вашей рацией,— ответил Гэмп и с тревогой, как показалось майору Ратникову, посмотрел в глаза полковнику.

— С кем же вы собираетесь связываться по радио? — спросил полковник.

— С нашим аэродромом на вашей территории.

— С какой целью?

— Спросить указания у команд ов э форс... у командования нашей группы.

Полковник не спеша стал набивать трубку, предложил табак Гэмпу.

— О, тэньк ю, сэр! Спасибо! Я курю только сигареты. Прошу попробовать, сэр.

Он вытащил пачку в пестрой обертке и протянул полковнику.

— Благодарю вас, сержант. Я тоже курю только наш советский табак. Ну-с, а что касается рации, то я вам дам ответ минут через пятнадцать. Мне нужно выяснить, не будет ли она занята сегодня. Товарищ Дымов, проводите господина сержанта в соседнюю землянку.

— Положение замысловатое, — задумчиво произнес Ковалев, когда американец вышел. — Утром, как только села в нашем расположении «летающая крепость», мы с подполковником Сидоровым из контрразведки тотчас же выехали к месту ее посадки. Вид у «крепости» действительно был сильно потрепанный. Мы предложили американцам помощь в ремонте, но командир «летающей крепости», капитан Крокер кажется, вежливо поблагодарил и отказался. Об одном только попросил он — оказать содействие его радисту, если ему не удастся связаться со своим аэродромом. Радиостанция на самолете оказалась поврежденной при посадке, но радист тогда еще надеялся поправить ее. Ничего не вышло, видимо. А может быть, и специально подстроено все это, чтобы проникнуть к нам в штаб.

— А что контрразведчики по этому поводу думают? — спросил Ратников.

— Подполковнику Сидорову явно не нравится все это. Подозрения вызывает то обстоятельство, что гитлеровцы почти не вели огня, когда такая махина, как «летающая крепость», перелетела через линию фронта и приземлилась на нашей территории.

— Что же нам делать, однако? — недоумевал майор Ратников.

— Ведь сейчас, накануне наступления, запрещена работа рации на передачу. К тому же, кто знает, что этот радист собирается передать. С другой стороны, не станем же мы сообщать американцу, что готовимся к наступлению и поэтому не можем работать по радио на передачу. Положеньице, однако...

Полковник не успел ответить Ратникову, так как в это время раздался телефонный звонок, и Ковалев поспешно снял трубку.

— У вас гость, кажется? — услышал он голос подполковника Сидорова и догадался, что речь идет об американском сержанте.

— Угадали, Сергей Сергеевич, — ответил полковник.

— Что он хочет?

— Помните просьбу его хозяина?

— Хочет, значит, связаться со своим начальством с помощью наших средств?

— Так точно. Не знаю, как тут быть...

— Разрешайте...

— Но вы ведь знаете, каково положение?..

— Знаю, — ответил Сидоров. — У нас есть основания полагать, что просьба эта — лишь повод, чтобы попасть к нам в гости. У них и свои средства связи в порядке. Так что разрешайте, смотрите только в оба.

Полковник положил трубку на рычажки аппарата.

— Контрразведчики полагают, что американцам можно разрешить воспользоваться нашей рацией, — сказал он майору Ратникову.—

Никаких секретных передач они, видимо, не собираются вести с ее помощью.

— Я тоже так думаю, товарищ полковник, — заметил Ратников. — Уж очень грубая была бы работа. А как повод проникнуть к нам в штаб — предлог подходящий.

— Нужно будет только хорошенько присматривать за этим сержантом, — сказал полковник, — чтобы припереть его к стенке с фактами в руках, в случае если он попытается шпионить у нас. Есть что-нибудь секретное в землянке, в которой помещается рация?

— Никак нет, товарищ полковник. У нас там нет ни одной секретной бумажки.

— Ну, в таком случае захватите с собой американского радиста, и пусть он связывается по нашему радио со своим начальством. Потребуйте только у него кодовую таблицу, чтобы лично проверить текст его шифрограммы. Разговор открытым текстом не разрешайте. Вы ведь, кажется, свободно владеете английским?

— Так точно, товарищ полковник.

— Действуйте!

4. ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

Генерал-полковник Отто фон Геслинг нервничал. Зная вспыльчивый характер генерала, начальник его разведки, полковник Пауль Краух, старался ни в чем не противоречить ему.

— Где же, черт побери, ваш американский коллега, полковник? — уже в который раз спрашивал сегодня генерал Геслинг.

— Как я уже докладывал вам, господин

генерал, он должен связаться со мной сегодня же ночью,— спокойно ответил Пауль Краух.

— А не слишком ли вы надеетесь на этих дельцов из Управления стратегических служб? — брезгливо поморщился генерал. — Ведь почти все руководство этой службы — сплошные торгаши.

— Да, конечно,— согласился полковник,— там много людей из деловых кругов, но во главе Управления стратегических служб стоят такие опытные разведчики, как Уильям Доноуэн и Аллен Даллес.

Генерал криво усмехнулся, нервно дернув раненым плечом.

— С мистером Уильямом Доноуэном, — заметил он, — не имею чести быть знакомым, а о Даллесе слышал кое-что. Думается мне, что и он не столько разведчик, сколько так называемый деловой человек. Я ведь помню его, когда он еще держал собственную адвокатскую контору и вел дела не только с американскими, но и с немецкими промышленниками.

— В Управлении стратегических служб есть и наши люди, господин генерал, — осторожно заметил полковник Краух.

— Любопытно, кто же это? — прищурился Геслинг.

— Пауль Шеффер, например.

— Позвольте? — наморщил лоб генерал, припоминая что-то. — Это не тот ли самый журналист, который попал в очень грязную историю и был арестован американцами после нападения японцев на Пирл Харбор?

— Тот самый, господин генерал. Он уцелел лишь благодаря вмешательству наших амери-

канских друзей и теперь не без успеха подвигается в Управлении стратегических служб.

Генерал встал из-за стола и медленно прошелся по своему кабинету, раздумывая о чем-то.

— А не кажется ли вам, полковник, что американцы затевают что-то против фюрера? — спросил он, наконец, но так как полковник медлил с ответом, пояснил: — Не против Германии, а лично против фюрера.

— Не думаю, господин генерал, — уклончиво ответил Краух, хотя ему было известно, что после сталинградской катастрофы руководитель гестапо Гиммлер и глава управления разведки и контрразведки третьего контрразведывательного отдела главного штаба вооруженных сил Германии адмирал Канарис упорно ищут возможности спастись от краха, к которому вел их фюрер.

Совсем недавно из достоверных источников Пауль Краух узнал, что через сотрудника гестапо Хетля Даллес установил прямую связь с заместителем Гиммлера Кальтенбруннером. Другим посредником в этих переговорах был американский шпион граф Потоцкий. При их содействии велись переговоры о сепаратном соглашении Соединенных Штатов и Англии с Германией. И Гиммлер, и Канарис, и даже Пауль Краух хорошо понимали, что Аллен Даллес рассчитывает этим соглашением открыть двери англо-американским войскам и остановить продвижение Советской Армии в Германию, да и вообще в Центральную и Юго-Восточную Европу.

Генерал Геслинг, все еще продолжавший ходить по кабинету, остановился вдруг перед Краухом и спросил:

— А вы не знаете, случайно, полковник, некоего Гизевиуса?

— Никак нет, господин генерал, — не задумываясь, ответил полковник, хотя он хорошо знал этого Гизевиуса — офицера немецкой контрразведки и личного друга адмирала Канариса. Знал также Краух, что Гизевиус был агентом для связи руководителя Управления стратегических служб Аллена Даллеса с руководителями заговора против Гитлера.

«Похоже, что старику известно кое-что...» — невольно подумал Краух.

Геслинг же знал об этом заговоре не «кое-что», а довольно много. Ему было известно, например, что еще в 1942 году трое старых немецких социал-демократов — Мирендорф, Хаубах и Хэнк, — встретившись в одном баварском городке, обсудили возможность покушения на Гитлера. Однако они тут же задали себе вопрос: «Что же будет после Гитлера?» Американские и английские войска тогда не могли еще вторгнуться на континент, а Советский Союз имел на нем крупные вооруженные силы. Опасность захвата Германии советскими войсками устранила заговорщиков.

Но дело не замерло на этом. Вскоре генералу Геслингу стало известно, что в заговоре приняли участие даже многие крупные нацисты, как, например, бывший гитлеровский министр иностранных дел фон Нейрат, министр Дорпмюллер и гаулейтер Гамбурга Куфман. Однако нацистская администрация мало привлекала

Геслингга. Он больше был связан с военными кругами и хотя, будучи человеком осторожным, активно не примыкал к заговорщикам, но рассчитывал в дальнейшем поддержать их в случае, если заговор удастся. От родственника же своего, генерала Ганса Шнейделя, начальника штаба фельдмаршала Роммеля, тоже принимавшего участие в заговоре, Геслинг знал, что генералы фон Штюльпнагель, фон Швеппенбург, фон Шверин и вице-адмирал Руге тоже были за удаление Гитлера. Дело в общем, по мнению Геслингга, было организовано достаточно солидно.

В глубоком раздумье долго еще ходил генерал Геслинг по кабинету, то и дело нервно проводя рукой по жесткому бобрику седых волос.

Усевшись, наконец, за стол, он спросил полковника Крауха:

— Так вы, значит, полагаете, что американцы не подведут нас и сообщат о месте переправы русских?

— Ни минуты не сомневаюсь в этом, господин генерал,— уверенно ответил Краух.

— Вчера наша авиаразведка донесла мне, что обнаружила тяжелый понтонный парк русских на марше,— продолжал генерал, склонившись над картой и поблескивая стеклами пенсне.— Но мне кажется это уж очень подозрительным. Русские ведь мастера маскировки, а, судя по аэрофотоснимкам, автоколонна с понтонным парком почти не была замаскирована. Что вы об этом скажете, полковник?

— Трудно пока сказать что-нибудь,— ответил Краух.

Генерал нахмурился и вспыхнул:

— Почему, черт возьми! Разве не ясно, что понтонный парк мог демонстрироваться специально для нас? А это значит, что русские и не думают им пользоваться. Вот и выходит, что пункты возможных переправ русских, намеченные нами из расчета использования ими понтонного парка, нужно зачеркнуть. Почему же вы сами, черт побери, не смогли сообразить этого? Или совсем уже разучились думать, всецело положившись на американцев?

«Старик уж очень не в духе сегодня», — подумал Пауль Краух и вслух произнес:

— Я не настолько опытен в военно-инженерном деле, как вы, господин генерал. Мне не под силу такая догадка.

Генералу, считавшему себя знатоком военно-инженерного искусства, пришлось по душе ластивые слова полковника, и он смягчил свой гнев.

— Да, черт возьми, — проговорил он уже без раздражения, — я кое-что смыслю в этом деле. А вы, полковник, не очень-то полагайтесь на янки, усильте-ка лучше наблюдение за рекой.

5. ДЖОРДЖ ГЭМП ИНТЕРЕСУЕТСЯ ЧЕРНОВИКАМИ

Сержант Гэмп долго выкрикивал позывные, прежде чем связался с радиостанцией своего аэродрома. А когда стал передавать шифrogramму, майор Ратников тщательно сверил произносимые им цифры с цифровым текстом копии шифровки. Донесение Гэмпа принял

командир эскадрильи майор Кэттл, который в ответной шифрограмме приказал продолжать ремонт и быть на приеме. Через два часа он обещал сообщить, кто и когда выедет на место аварии с легучкой скорой технической помощи.

Во время этого разговора по радио старший сержант Батюшкин сидел за одним из столиков, перелистывая какую-то папку с документами хозяйственной части, сержант Мгеладзе за соседним столиком «поднимал» цветными карандашами дороги на топографической карте. Человек, знавший, что они обычно работают в другом помещении, очень удивился бы, увидев их за такими занятиями в землянке Чуенко. Со стороны, однако, создавалось впечатление, что землянка представляет одно из штабных помещений, хотя на самом деле ни штабные офицеры, ни писаря никогда здесь не работали.

— О, кэй, мистер Чуенко! — весело воскликнул Гэмп, выключая приемник. — Вери уэлл! Превосходная рация. Парфекшн! Слышимость такая, как будто я в этой дагаут... как это будет по-русски? — спросил американец, обводя глазами землянку.

— По-нашему цэ будэ зэмлянка, — усмехнулся Чуенко.

— О, да, правильно! Землянка! — подхватил Гэмп. — Как будто я со своим командиром в этой землянке разговаривал. Такая хорошая слышимость.

Повернувшись к майору Ратникову, американец добавил:

— Благодарю вас, сэр. Приказ моего командира теперь выполнен. Разрешите через два

часа прийти за дальнейшим распоряжением майора Кэттла?

— Не возражаю, приходите, — ответил Ратников.

— Благодарю вас, сэр!

— Товарищ Дымов, проводите господина сержанта, — приказал Ратников.

— О, ноу, сэр! — замахал руками американец. — Не надо! Я сам знаю дорогу. Гуд бай, сэр!

Майор Ратников вышел почти вслед за Гэмпом, сделав знак старшему сержанту Батюшкину. Батюшкин еле заметно кивнул ему в ответ и, поднявшись из-за стола, стал прислушиваться к разговору Мгеладзе и Чуенко.

— Скажи, пожалуйста, Петро, твоя рация очень масляная? — спросил чертежник у радиста.

— Та що цэ трактор, чи що? — удивился Чуенко.

— А ты не злись, пожалуйста, Петро, я не зря тебя спрашиваю. Американец, как только кончил передачу, сразу бумажку с пола поднял и руки вытер, будто выпачкал их о твою рацию.

— Мабуть, гыдует? — с обидой произнес радист.

— Не понимаю, что значит «гыдует»? — заметил Мгеладзе.

— «Гыдуваты» — значит брезгать, — объяснил Чуенко. — Придется на русский переходить, раз ты украинского не понимаешь.

— Ну, что ты такой обидчивый стал, Петро, — удивленно пожал плечами Мгеладзе. — Говори себе на здоровье по-украински, мне украинский

язык очень нравится, а слова этого я действительно не знаю.

— Ты говоришь, Мгеладзе, что видел, как американец бумажку с пола поднял, чтобы руки вытереть? — вмешался в разговор Батюшкин.

— Який паныч, — фыркнул Чуенко. — Руки вин замарав об мою рацию.

— Да постой ты, Петро! — сердито махнул рукой на радиста старший сержант.

Повернувшись к Мгеладзе, он спросил:

— А ты не заметил, бросил американец эту бумажку или, может быть, в карман положил?

— Что вы говорите такое, товарищ старший сержант?! — воскликнул Мгеладзе. — Как мог я ему разрешить в карман ее спрятать? Да я его сразу бы за руку схватил. Он ведь об эту бумажку руки только вытер и снова на пол ее бросил. Да вот она!

Мгеладзе нагнулся и поднял с пола скомканную бумажку. Батюшкин взял ее и торопливо расправил на ладони. На помятом листе была изображена схема понтонного моста.

— А может быть, он еще и другую какую-нибудь поднял? — допытывался старший сержант.

— Больше не поднимал как будто.

— Ну, а ты, Петро, ничего не заметил? — обратился Батюшкин к радисту.

— Не заметил что-то... — неуверенно проговорил Чуенко.

— Где ему было заметить, — засмеялся Мгеладзе. — Он свою технику американцу демонстрировал, боялся, что союзник ее забракует.

— Та брось ты шуткуваты... — смутился Чуенко, который действительно очень волновался

за свою рацию. В том, что она не подведет, он не сомневался, конечно, но ему очень хотелось, чтобы она показала «высокий класс».

Не слушая оправданий радиста, Батюшкин подобрал со столов бумаги, на которых тоже были черновые наброски общих схем и отдельных деталей мостов и паромов из имущества тяжелых понтонных парков. Сложив все это в папку, он молча вышел из землянки радиста и направился к начальнику штаба.

— Ну, как? — оживленно спросил его майор Ратников, как только старший сержант показался в дверях.

— Похоже, что клюнуло, товарищ майор, — довольно усмехнулся Батюшкин, кладя на стол начальника штаба папку с забранными из землянки Чуенко бумагами.

— Не знаю, все ли удалось ему посмотреть, а вот эта побывала у него в руках, — продолжал старший сержант, доставая из папки помятый листок со схемой понтонного моста.

Майор взял у Батюшкина схему, посмотрел на нее и сказал в раздумье:

— А жаль, что он не захватил с собой этой бумажки...

— Видно, опытный каналья, — понимающе заметил Батюшкин. — Улик избегает.

Майор Ратников задумчиво походил по землянке, размышляя вслух:

— Да, жалко... Но ничего, мы все равно припрем его к стенке. А бумажка эта еще, может быть, сослужит нам службу...

Остановившись перед столом своего помощника, он распорядился:

— Созвонитесь с подполковником Сидоровым из хозяйства Егорова, товарищ капитан.

— А вы, — повернулся он к старшему сержанту, — работайте весь день сегодня у Чуенко. Только ничего действительно секретного с собой не берите.

6. КАПИТАН КРОКЕР БОИТСЯ ПРОВАЛА

Помощник капитана Крокера, лейтенант Бетс, выстроил экипаж «летающей крепости» и флегматично доложил:

— Команда «Би-сэвентин» в сборе, сэр.

Капитан мрачно посмотрел на скучающие физиономии своих подчиненных, прошелся раза два взад и вперед, помолчал, хмурясь все более, и, наконец, спросил Бетса:

— Так вы говорите, что все в сборе?

— Все, сэр, за исключением радиста, — ответил лейтенант. — Но ведь он выполняет ваше поручение.

— Ну, а Макреди вы разве совсем списали с корабля? — спросил капитан, не сводя строгого взгляда с Бетса.

— Ах, да! — воскликнул лейтенант. — Виноват, сэр, совсем забыл. Сержант Макреди отпросился у меня на несколько минут.

— Отпросился, — усмехаясь, повторил Крокер. — Можно подумать, что мы расквартировались в наших казармах в Монтане и сержант Макреди отпросился на полчаса к своей подружке Мэри. Теперь я понимаю, почему вам так не хотелось выстраивать экипаж, — добавил

капитан, слегка понизив голос.— Что же, Макреди грибы пошел собирать?

— У него сильное расстройство желудка, сэр, и он помчался в соседний лесок, — смущенно ответил лейтенант Бетс.

В строю кто-то фыркнул, давясь от смеха. Капитан строго обвел глазами своих солдат и приказал лейтенанту распустить экипаж.

Бетс облегченно вздохнул и с большей охотой, чем раньше, выполнил это приказание, намереваясь заняться осмотром моторов, чтобы улизнуть от строгих глаз капитана. Но едва он распустил экипаж, как Крокер окликнул его.

— Бетс, — сухо сказал он, — доложите мне, когда Макреди вернется.

— Да, сэр.

Сержант Макреди явился лишь спустя полчаса. Лейтенант мрачно посмотрел на его толстую, покрасневшую физиономию и, укоризненно покачав головой, молча отвел его к капитану. Крокер долго и упорно рассматривал тупое круглое лицо сержанта. Макреди смущенно переминался с ноги на ногу.

— Где это вы болтались столько времени, сержант? — спросил капитан.

— У меня расстройство желудка, сэр, — торопливо, будто обрадовавшись, что его, наконец, стали спрашивать, ответил Макреди.— А в лесу госпиталь... девчонки-санитарки... неудобно же при них, сами понимаете. Пришлось забраться в самую чащу.

— Не врите, сержант! — строго оборвал его капитан.— Говорите правду, где были?

У Макреди были наглые глаза, и он упорно продолжал стоять на своем:

— Расстройство желудка, сэр. Я ничего с этим не мог поделывать... Пришлось забраться в самую чащу леса из-за этих санитарок.

— Не морочьте мне голову, сержант! — разозлился Крокер.

— Откуда тут, в пяти километрах от переднего края фронта, госпиталь с девицами, которые, судя по вашим словам, чуть ли не преследовали вас по всему лесу?

— Ну, может быть, и не госпиталь, — ничуть не смущаясь, согласился Макреди, — но санитарок тут полон лес.

Улыбнувшись, он добавил:

— Мне вообще везет на девиц, сэр. До войны я владел лучшим дансингом в Миссуле. Во всем штате не было лучших девиц, чем на моей танцевальной площадке.

Крокер сжал кулаки от возмущения. Он хотел как следует проучить этого наглеца, осмелившегося разыгрывать перед ним шута, но кто-то вдруг сзади положил ему руку на плечо. Крокер вздрогнул от неожиданности и резко обернулся.

Позади него с невозмутимым видом стоял Джордж Гэмп.

— Отпустите сержанта, капитан, — спокойно сказал он. — Я дам вам ответ за него.

В первую минуту Крокер даже растерялся. «Что это такое происходит сегодня?.. — не сводя возмущенного взгляда с Гэмпа, подумал он. — Кто же тут командир, в конце концов?..»

Брови его совсем сошлись у переносицы, а Гэмп, казалось, и не замечал его гнева. Он

попрежнему спокойно смотрел на Крокера, и ничего в его крупном лице не выражало ни страха перед капитаном, ни даже обычного почтения. Это окончательно обескуражило Крокера. Не поворачиваясь к сержанту Макреди, он сердито крикнул:

— Убирайтесь отсюда, Макреди!

Теперь они остались вдвоем. Никого из экипажа самолета не было поблизости. Все попрятались, кто за бортом «летающей крепости», кто в моторном отделении, но по наступившей вокруг тишине капитан почувствовал, что все его подчиненные напряженно следят за ними.

А Гэмп, казалось, и не собирался давать объяснения своим поступкам.

— Я жду вашего ответа, сержант,— хрипло проговорил Крокер, чувствуя, как лоб его покрывается легкой испариной.— Вы ведь взяли на себя смелость ответить за Макреди.

— Да, я отвечу за него, — спокойно произнес Гэмп,— давайте только договоримся, капитан, не повышать голоса в разговоре со мной. Вам давно следовало бы догадаться, что я вовсе не сержант, а такой же офицер, как и вы. Даже постарше вас чином,— добавил он, улыбнувшись кончиками губ.

— Кто бы вы ни были по чину, — раздраженно ответил Крокер, — не забывайте однако ж, что начальник тут я и моими людьми я никому не позволю распоряжаться без моего разрешения. Что вы хотели сообщить мне о сержанте Макреди?

— Сержант Макреди выполнял мое поручение, капитан, — ответил Гэмп. — Я приношу свое извинение, что не сообщил вам раньше об этом.

— Какое именно поручение выполнял для вас мой сержант? — резко спросил Крокер. — Я должен знать, какого характера поручения выполняют мои подчиненные тайком от меня.

— Не будем горячиться, — примирительно произнес Гэмп. — И давайте пройдемся немного. К нашему разговору, кажется, прислушиваются ваши молодцы.

С этими словами он направился к опушке леса, не посмотрев даже, идет ли за ним капитан. Крокер постоял немного в нерешительности и не спеша пошел за ним следом. Гэмп замедлил шаг, и когда Крокер нагнал его, заговорил:

— Вам ведь хорошо известно, капитан, с какой целью я зачислен радистом в ваш экипаж. Могу вам признаться также, что задача моя не из легких.

— Хорошо представляю себе это, — хмуро ответил Крокер.

— Должен же, в связи с этим, помогать мне кто-нибудь, черт побери?! — повысил голос Гэмп, поворачиваясь к Крокеру.

Капитан не ответил на его взгляд. Он шел, опустив голову, и старательно давил ногами пестрые полевые цветы.

— Мои балбесы — плохие помощники, — мрачно заметил он. — А этот болван Макреди может только погубить все дело. У вас ведь есть, наверное, большие деньги. Попробуйте подкупить кого-нибудь в том штабе, в который вам удалось проникнуть.

— Ну, знаете, капитан, — рассмеялся Гэмп, — я не из тех простачков, которые возлагают большие надежды на наши доллары. Я-то хорошо знаю, где ими можно пользоваться, а где

нет. Стоило бы мне только попытаться подкупить самого последнего писаришку в русском штабе, как он тотчас же схватил бы меня за шиворот и отвел бы в свою контрразведку. Видели бы вы, как они все насторожились, когда я зашел к ним в штабную землянку! Попробуйте-ка раздобудьте в таких условиях необходимые сведения! — закончил Гэмп со вздохом.

— Хорошо же, видно, выполняем мы наши союзнические обязательства, — усмехнулся Крокер, — если русские так настораживаются при нашем появлении у них на переднем крае фронта.

— Есть, конечно, с чего быть настороженным, — согласился Гэмп, — но ведь задание нужно же выполнять как-то...

— Я плохой вам советчик в этом деле, — неохотно ответил Крокер. — Одно только мне совершенно ясно: тут нужно быть предельно осторожным. Один необдуманый шаг — и все полетит прахом. Как же можно в такой обстановке поручать что-нибудь Макреди? Действуйте уж вы лучше в одиночку. У вас все-таки большой опыт за плечами, так что, бог даст, сойдет все благополучно.

7. НОЧЬЮ

Выслушав майора Ратникова, подполковник Сергей Сергеевич Сидоров заметил:

— Боюсь, что Гэмп не пойдет на эту удочку с подброшенной бумажкой.

— Возможно, что и так, — согласился Ратников. — Во второй приход к нам он вел себя

гораздо осторожнее. Может быть, и сообразил что-нибудь.

Помолчали. Сидоров достал папиросы, Ратников чиркнул спичкой. Посидели немного, глубоко затягиваясь дымом. Штабные офицеры разошлись по своим делам. В землянке, кроме майора и подполковника, никого не было. Громко тикали часы на столе начальника штаба, только надсадное кваканье минометов где-то на левом фланге фронта заглушало их иногда.

— Когда вы мне утром сказали, что этот Гэмп для немцев, видно, старается, — первым нарушил молчание Ратников, — мне сначала показалось это невероятным. А потом подумав хорошенько, решил, что так, пожалуй, оно и есть. Побаиваются, значит, союзнички, что мы далеко уйдем? Американский сенатор Гарри Трумэн не случайно ведь заявил в самом начале войны, что если выигрывать будет Германия, следует помогать России, а если Россия возьмет перевес, — помогать Германии.

Сергей Сергеевич Сидоров, прищутив голубые глаза, задумчиво смотрел на узкое окошко под потолком землянки. Косые лучи заходящего солнца покрывали пыльное стекло его оранжевыми бликами.

— Политическая обстановка в настоящий момент довольно сложная, — заметил подполковник. — Нацистские лидеры с момента визита Рудольфа Гесса 10 мая 1941 года в Шотландию все еще не теряют надежды на заключение сепаратного мира с англичанами и американцами. Сейчас вопрос этот волнует их больше, чем когда-нибудь.

— Ну, а как же союзнички наши на это реагируют?

Подполковник скомкал папиросу и бросил в пепельницу.

— Странников сепаратного мира с Германией среди них хватает, — ответил он, поправляя светлые, аккуратно подстриженные усики. — Осенью 1941 и 1943, без нашего ведома, в Португалии и Швейцарии они уже пытались сговориться с немецкими эмиссарами. А начальник американской разведывательной службы Аллен Даллес совсем недавно встречался в Швейцарии с князем Гогенлоэ. Князь этот, как известно, пользуется большим влиянием в Германии.

— Но не по собственной же инициативе этот Даллес действует? — спросил Ратников.

— Конечно, не только по собственной. В этом деловые круги Америки очень заинтересованы. Они до сих пор ведь находятся еще в тайных картельных соглашениях с гитлеровской Германией и многими нитями связаны с немецкими стальными трестами и особенно с гигантским химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри». Дело даже дошло до того, что в 1942 году специальная комиссия по обследованию состояния национальной обороны Америки открыто вынуждена была обвинить одну из крупных сталелитейных компаний Америки и нефтяную компанию «Стандард ойл» в государственной измене.

— Если вспомнить, чему учили нас Маркс, Энгельс и Ленин, чему учит товарищ Сталин, — заметил Ратников, — то удивительного для нас тут ничего нет.

— А мы не удивляемся, — усмехнулся Сергей Сергеевич. — Мы только всегда имеем это в виду. Удивительно разве, например, то, что именно Аллен Даллес так хлопочет о сепаратном мире с Германией. Достаточно для этого знать то, что Аллен Даллес был в свое время директором и юрисконсультангом англо-американо-немецкого банка Шредера «Лондон—Гамбург—Кельн». Банк этот, как известно, финансировал нацистскую партию с самого момента ее зарождения и помог ей прийти к власти. Вот ведь почему Даллес так усердно выполняет волю реакционных кругов Америки. При этом, с одной стороны, он старается добиться наиболее выгодных условий сепаратного мира с Германией, а с другой стороны, всячески ослабить Советский Союз и задержать всеми правдами и неправдами наше продвижение на запад. Не удивительно после этого, что агентами Управления стратегических служб все чаще предпринимаются попытки открыть нацистам некоторые военные планы нашего командования.

Сергей Сергеевич посмотрел на часы, взял фуражку со стола и торопливо поднялся.

— Ну, мне пора, — сказал он, протягивая руку Ратникову. — А вы продолжайте быть с этим Гэмпом начеку и вообще усильте бдительность во всех ваших подразделениях. Мы, конечно, тоже этим субъектом занимаемся, но сообщая скорее достигнем цели.

Как только подполковник Сидоров вышел, Ратников вызвал дежурного и приказал собрать в свою землянку всех штабных офицеров. До поздней ночи сидел с ними майор за

разработкой предстоящей операции по форсированию реки. В два часа, отпустив всех отдыхать, Ратников хотел было и сам лечь, так как почти не спал уже две ночи, но вспомнил вдруг что-то и, набросив на плечи шинель, вышел из землянки.

В лесу было свежо. Сквозь ветви деревьев поблескивали неяркие звезды, — ночь была лунная. Легкий ветерок приносил крепкий запах свежесрубленных сосен. Попахивало дымком полевой кухни. У входа в штабные землянки мерно ходил часовой. Майор постоял немного, прислушиваясь к ленивому треску пулеметов на переднем крае да к отдаленному гулу арналета где-то на левом фланге фронта, закурил папиросу и пошел в соседнюю землянку.

В землянке тускло горела коптилка, сооруженная из артиллерийской гильзы. В свете ее майор с трудом различил сержанта Чуенко, склонившегося над рацией. Рядом на двух сдвинутых вместе столах, укрывшись шинелью, спал сержант Мгеладзе. Обернувшись на звук шагов Ратникова, Чуенко выпрямился.

— Почему не спите, Чуенко? — спросил майор.

— Эфир контролирую, — смущенно ответил радист.

— По какой причине?

— Американца нашего шукаю. Здається мени, що рация на его «летающей фортэции» також добрє працює, як и наша. До нас той американець, мабуть, зовсім за иншим ходит. Разумиетэ?

— Розумію, розумію, Петро! — рассмеялся Ратников. — Я по-украински добрє розумію.

— Та я нэ про тэ! — махнул рукой Чуенко. — Цэ я знаю, що вы по-українськи добрэ розумиетэ. Я про амэриканця.

— Ах, про амэриканця! — снова засмеялся Ратников. — Про амэриканця тэж розумию. Ну, а скажи мне, пожалуйста, Мгеладзе чего же здесь расположился? — уже серьезно спросил майор, кивнув в сторону безмятежно храпевшего на столе сержанта.

— На той выпадок, товарищ майор, — ответил Чуенко, поправляя сползшую полу шинели на Мгеладзе, — як що в эфире выуджу я англиську мову.

— Ну, что ж, пожалуй, это не лишнее, — подумав, согласился Ратников. — А удалось уже хоть что-нибудь выудить?

— Е кое що. Одно слово «инглаул» повторяе хтось. Позывной мабуць.

— Инглаул — это филин по-английски, — объяснил майор.

— Та я вже пытав о том Мгеладзе. Знаю теперь.

— Похоже, что в самом деле это позывной, — задумчиво произнес Ратников, — А на какой волне ты этого «филина» выловил? На той, что Гэмп разговаривал?

— Ни. Делений на дэсять левее.

— Ну добрэ, Петро, следи хорошенько за этой волной, дело может оказаться серьезным.

— Та хибаж я цього нэ розумию?

Радист вдруг торопливо нагнул над рацией и стал настраиваться, осторожно поворачивая регулятор громкости то вправо, то влево.

— Ось, чуэтэ? — шепотом произнес он.

Сквозь легкое потрескивание динамика майор

Ратников отчетливо слышал теперь монотонный голос, методически повторявший:

«Инглаул... инглаул... инглаул...»

Ратников торопливо подошел к телефону и взял трубку.

— Соедините меня с хозяйством Егорова, — приказал он связистке.

В телефонной трубке послышались щелчки переключаемых контактов, низкий вибрирующий шум индуктивных токов и затем знакомый голос начальника контрразведки Егорова.

— Из большого хозяйства Куличева говорят, — ответил ему майор Ратников.

Куличев был старшим инженерным начальником в армии, а большими хозяйствами его были инженерные бригады. Егоров, хорошо знавший это, без труда понял Ратникова и спросил только:

— Кузнечики?

— Так точно, — подтвердил Ратников, так как и он понял, что имел в виду Егоров под словом «кузнечики». Фамилия командира бригады была ведь Ковалев, а слово «коваль» переводилось на русский с украинского, как «кузнец».

— Ну, что там у вас новенького? — спросил Егоров.

— Эфирное создание подает голос, — ответил Ратников.

— Мы тоже, знаете ли, любим прислушиваться к голосу ночных птичек, — засмеялся Егоров.

— Понял вас, — отозвался Ратников, которому теперь ясно стало, что и в контрразведке поймали, значит, позывной «инглаул».

— Не будем вам мешать в приятном вашем занятии, — продолжал Егоров. — Услышите что-нибудь поинтереснее, поделитесь впечатлением.

Майор Ратников положил трубку и с удовольствием потер руки. По веселому голосу Егорова он догадался, что контрразведчики не только поймали позывной «филин», но, видимо, уже запеленговали местонахождение передающей его радиостанции.

Чуенко, склонившись над рацией, все еще прислушивался к чему-то.

— Ну, что там? — спросил его Ратников.

— Здається, що зв'язь з тем «філином» установилась.

Майор присел на деревянную скамью и тоже стал прислушиваться. Сначала ничего, кроме далеких грозových разрядов, он не услышал, но вскоре хриловатый голос стал медленно проносить группы цифр: «уан хандрэд энд фифтин, уан хандрэд энд туэнти-файв, ту хандрэд энд сикстиэйт...»

— Разбудить Мгеладзе, товарищ майор? — торопливым шепотом спросил Чуенко.

— Нет, не надо. Бери карандаш и быстро записывай: сто пятнадцать, сто двадцать пять, двести шестьдесят восемь...

Спустя несколько минут все цифры, переданные «филину», были записаны Чуенко под диктовку майора. Ратников подождал немного, надеясь, что будет еще какая-нибудь передача, но в эфире слышались лишь легкие грозových разряды. Майор спрятал запись и хотел уже было позвонить начальнику контрразведки, но

едва он дошел до телефонного аппарата, как в дверях землянки показался подполковник Сидоров.

— Ну, как дела, товарищ Ратников? — спросил он, и по тону его голоса майор понял, что Сидорову все уже известно.

— Вот удалось перехватить зашифрованную радиограмму, — ответил Ратников, подавая листок бумаги, исписанный цифрами.

Подполковник Сидоров торопливо пробежал глазами трехзначные цифры, сравнил их с какой-то записью в своем блокноте и вернул майору Ратникову со словами:

— У нас то же самое, значит, правильно записали. Теперь шифровальщики этим займутся, тогда и посмотрим, что кроется за цифрами. Нам удалось установить, что этот шифр передавала радиостанция «летающей крепости», значит, мы не ошиблись, полагая, что она исправна. Установлено также, что радиограмма передана какой-то немецкой радиостанции, расположенной километрах в двадцати от линии фронта.

8. ГЕНЕРАЛ ГЕСЛИНГ ПРИНИМАЕТ МЕРЫ

Полковник Пауль Краух, выпроводив радиста, сидел у радиоаппарата, напряженно прислушиваясь к частому потрескиванию динамика. Время от времени он осторожно поворачивал ручку настройки и снова терпеливо ждал, то и дело посматривая на часы.

Наконец, когда терпение уже начало изменять ему и он все бесцеремоннее стал вращать

ручку настройки, раздался приглушенный голос, умолкший на полуслове. Краух насторожился, сместил стрелку на шкале волн чуть-чуть назад и снова услышал «инглаул... инглаул», будто завывал в эфире огромный мартовский кот.

«Черт бы побрал этих бесшабашных американцев! Опять изменили длину волны...» — с досадой подумал Краух и, торопливо включив микрофон, стал повторять свой позывной.

Едва он снова перешел на прием, как в комнату вошел генерал Геслинг.

— Ну, что там у вас? — спросил он ворчливо.

«Этого еще принесла нелегкая. Сидел бы в своей берлоге вместо того, чтобы всюду совать свой нос», — недовольно подумал Краух, но вслух произнес:

— Все в порядке, господин генерал. Связь налаживается.

Генерал тяжело опустился на стул. Закурил. Долго сидел молча, нервно покашливая. Из динамика раздавался пока только сухой треск. Генерал нетерпеливо стал ерзать на стуле.

— Вы слышите меня, «Филин»? Вы слышите меня, «Филин»? — раздался, наконец, завывающий голос. — Передаю текст шифром. Передаю текст шифром. Записывайте...

Пауль Краух облегченно вздохнул и приготовился записывать. Отто фон Геслинг тоже успокоился и перестал ерзать. Когда шифрограмма была принята, он встал и резко произнес:

— Расшифруйте побыстрее. Я буду ждать вас у себя.

Краух развернул шифровальную таблицу и торопливо стал заменять цифры словами. Когда спустя полчаса он вошел в кабинет генерала, Геслинг, склонившись над топографической картой, водил длинным костлявым пальцем по извилинам реки, делившей фронт на две половины.

— Ну, читайте, что там у вас, — не оборачиваясь, произнес генерал.

— Боюсь, что слишком ничтожные данные, — осторожно заметил Краух.

— Читайте же! — почти выкрикнул Геслинг и еще более ссутулился.

«Пока удалось раздобыть немного. В инженерном штабе обнаружен сегодня черновой набросок схемы понтонного моста. Похоже, что его мне специально подбросили. Завтра попытаюсь разузнать еще что-нибудь. В прифронтовом лесу сосредоточены санитарные части. Видимо, готовятся к принятию раненых во время форсирования реки».

— Это все? — сухо спросил Геслинг.

— Да, все, господин генерал. Маловато, конечно.

Краух ожидал грозы, но генерал, казалось, даже забыл о присутствии полковника. Склонившись над картой, он сумрачно сдвинул седые лохматые брови. Раненое плечо его стало все чаще подергиваться.

— Да, да... — рассеянно бормотал он. — Похоже в самом деле, что тут трюк какой-то...

Сняв пенсне, он бросил его на карту и, откинувшись на спинку кресла, казалось, тут только заметил Крауха.

— Скажите, полковник, а вы лично знаете американца, который сообщил нам эти сведения? — спросил он Крауха.

— Лично не знаю, господин генерал, — ответил полковник, — но в его позывных и шифре нет никаких сомнений.

— Я не о том, — недовольно перебил Крауха генерал. — Меня интересует, насколько опытен этот человек в вопросах агентурной разведки.

— Судя по характеристике, которую мне дали о нем, — ответил Краух, — должен быть опытным.

— Сомневаюсь, — пробурчал Геслинг. — Да и вообще грубоваты эти американцы для такого тонкого дела. Русские ведь чертовски бдительны. Даже наши агенты школы полковника Николаи терпят у них поражение.

Генерал снова задумался.

— Нет, как хотите, а русские определенно раскусили его, — наконец, заключил он убежденно. — Они хотя и знают истинную цену своим союзникам и не имеют основания особенно им доверять, но на дезориентацию подобного рода могли пойти лишь в случае явного подозрения вашего американца в работе на нас. А в том, что схема понтонного моста ему специально подброшена, я не сомневаюсь. Вспомните-ка демонстрацию русскими саперами понтонного парка нашей авиационной разведке. А теперь эта подброшенная американцу схема понтонного моста? Ведь все это звенья одной цепи: русские, видимо, не сомневаются, что американец сообщит нам о своей «находке» в их штабе.

«Похоже, что Геслинг прав», — подумал Краух, а генерал продолжал:

— Раз русские раскусили этого американца, для нас он теперь совершенно бесполезен, но для меня достаточно уже и того, что он успел нам сообщить. Насчет санитарных частей все, конечно, ерунда. А вот неоднократные попытки русских убедить нас в применении тяжелого понтонного парка укрепляют мою догадку, что применять его они не собираются.

Генерал заметно оживился, вышел из-за стола и торопливо прошелся по кабинету широким, почти церемониальным шагом. Походив немного, он твердо уперся руками о край стола и снова склонился над картой.

— Так-с, — возбужденно произнес он. — Посмотрим теперь, каков же может быть истинный замысел русских. Раз понтоны отпадают, выбор места для переправы сокращается. На всем этом пространстве, — генерал сделал широкий жест вдоль течения реки, — почти в любом пункте легко применить понтонные парки любого типа. А вот здесь, — генерал нагнулся еще ниже и провел карандашом черту поперек реки, — местность для тяжелого понтонного парка явно неблагоприятная. Тут с трудом можно навести только легкий парк, но русские не пойдут на это. Им ведь нужно перебросить на нашу сторону танки, а легкий понтонный парк их не поднимет. Остается, значит, сооружать деревянный мост. И они, конечно, уже приняли это решение.

Прислушавшись к словам генерала, Пауль Краух подумал невольно: «А ведь старик, ка-

жется, в самом деле смыслит кое-что в инженерном деле».

— Ну-с, а для чего, спрашивается, русским сооружать мост, когда у них есть тяжелые понтонные парки? — спросил вдруг генерал и, не дождавшись от Крауха ответа, продолжал: — Для того, полковник, чтобы, во-первых, сбить с толку нас. А, во-вторых (пожалуй, даже не во-вторых, а опять-таки во-первых), это как нельзя лучше отвечает их главной оперативной задаче — выйти на фланги наших группировок. Понимаете вы теперь, в чем тут дело?

— Это блестящая догадка, господин генерал, — вставил, наконец, свое замечание Краух.

Генерал недовольно мотнул головой и продолжал развивать свою мысль:

— Вот два, в крайнем случае — три участка, где целесообразно наводить деревянные мосты. Нужно, значит, создать мощный подвижной артиллерийский резерв, сосредоточить его где-то вот здесь, на среднем расстоянии между этими тремя пунктами и обрушить его на русских, как только они начнут наводить переправу.

Сняв пенсне и близоруко щурясь, генерал повернулся к Крауху и спросил:

— Что вам еще не ясно, полковник?

— Время, господин генерал.

— Правильно, — согласился Геслинг. — Это нам пока еще не ясно. Попробуем, однако, прикинуть, сколько времени понадобится на наведение такого моста. Мост будет, конечно, сборный, из заранее приготовленных стандартных деталей. Они уже не раз наводили такие. Так-с, учтем теперь длину реки, нагрузку и ко-

личество людей, необходимых для сборки моста.

Загнув конец карты, на обратной, чистой стороне топографического листа Геслинг сделал быстрый подсчет.

— Ну вот, получается по средним нормам русских инженерных наставлений сто восемьдесят минут — то есть три часа. Сделаем поправку на традиционное советское перевыполнение норм. Сбросим с этого итога времени тридцать минут, и получается у нас два с половиной часа. Да плюс артподготовка не менее полутора-двух часов, итого, четыре-четыре с половиной часа. За это время мы вполне успеем подтянуть наши резервы.

9. ПОДГОТОВКА

На следующее утро генерал-майор инженерных войск Куличев лично приехал в бригаду. Отказавшись от приглашения полковника зайти в землянку, он уселся на пенек под ветвистой елью и, подняв с плотной хвойной подстилки еловую шишку, понюхал ее. Полковник Ковалев стоял рядом, перебирая в уме все, что следовало доложить генералу и, не решаясь нарушить его молчания, так как чувствовал, что генерал чем-то недоволен.

— А не испортит нам дела этот американец? — спросил вдруг Куличев, отбрасывая в сторону еловую шишку.

Вопрос был настолько неожиданным для Ковалева, что он не сразу даже осмыслил его.

— Мне сегодня сообщили текст его шифрограммы, переданной немцам, — продолжал ге-

нерал, не ожидая ответа полковника. — Выходит, что догадался американец, что ему схему понтонного моста специально подкинули. Понимаете ли вы, товарищ Ковалев, какой вывод из этого могут сделать гитлеровцы?

Полковник теперь сразу все понял. Но не испугался, хотя ему стало ясно, что противник по донесению Гэмпса сможет, пожалуй, разгадать часть плана форсирования реки. Он только еще сильнее почувствовал правильность своей главной ставки в этом плане на высокую боевую выучку своих саперов. Выучка эта заключалась в четком знании его саперами боевой задачи и натренированности в наведении разборного деревянного моста в любой обстановке.

— Я не сомневаюсь, товарищ генерал, — уверенно ответил полковник Куличеву, — что если даже противнику стали бы известны не только средства нашей переправы, но и место переправы, мы все равно выполним нашу задачу.

— Иначе и быть не может, — согласился генерал. — В нашем плане столько выигрышных моментов, что сорвать его не под силу никакому врагу.

— А главное в нем — это все-таки наши люди, — убежденно заметил Ковалев.

— Да, люди — это самое главное, — удовлетворенно кивнул Куличев, — но вы не делайте ставку на одних только людей. Не забывайте и о военной хитрости. Она нам и людей бережет.

— Я никогда не забываю об этом, товарищ генерал.

— Знаю, знаю, — улыбнулся Куличев, поднимаясь на ноги.

Генерал был крупным, тучным человеком и рядом с атлетически сложенным, стройным полковником Ковалевым казался неуклюжим. Однако это было лишь первое впечатление. Оно пропадало бесследно, как только Куличев начинал двигаться. Ходил он быстро, даже стремительно, и это казалось просто не постижимым при его громоздкой фигуре. Вот и сейчас, торопливо сказав Ковалеву: «Поедемте-ка посмотрим, как натренировались ваши саперы», — он зашагал к своей машине так быстро, что полковник еле поспевал за ним.

В машине они продолжали разговор.

— Каковы же успехи у ваших саперов? — спросил генерал.

— Вчера собрали весь мост за два часа, — ответил полковник, впервые за время сегодняшнего неприятного разговора с генералом позволив себе улыбнуться; он очень гордился успехами своих саперов. — Полагаю, товарищ генерал, что сократим время на сборку до полутора часов.

Генерал при всей своей внешней суровости был по существу очень простым и добрым человеком. Полковник Ковалев хорошо знал это и был расстроен от неудачи с попыткой дезинформировать врага совсем не потому, что боялся разноса. Он просто очень уважал генерала и досадовал теперь на себя за то, что доставил ему неприятности. Но сейчас, когда они ехали к месту тренировки лучшего батальона бригады Ковалева, у него сразу отлегло от сердца. Полковник знал, как любил гене-

рал дружную, слаженную работу. Он должен был остаться довольным его молодцами.

Дорогой генерал подробно расспрашивал о деталях предстоящей операции по форсированию реки, о графике работ по сборке, о порядке замены саперов, выбывших из строя, и, видимо, был удовлетворен ответами полковника. По всему чувствовалось, как тщательно продумал Ковалев каждую мелочь в этом сложном и чрезвычайно ответственном деле.

Дорога, шедшая некоторое время сосновым лесом, вывела их теперь на открытую местность, пересеченную кое-где неглубокими оврагами. Откинувшись на спинку сидения, генерал щурил глаза от бьющего в лицо теплого ветра. Полковник с тревогой посматривал на небо. Хотя по метеорологической сводке в ближайшие дни не ожидалось дождя, густые облака внушали Ковалеву опасения — неожиданный дождь мог осложнить форсирование реки. Присмотревшись, однако, к облакам внимательнее и разобравшись в их структуре, он успокоился и спросил Куличева:

— А этого американского мерзавца нельзя разве арестовать, товарищ генерал?

— Вы о шпионе? — спросил Куличев, думавший о чем-то другом. — Арестовать его не так-то просто. Шпион ведь из лагеря союзников, и тут нужно действовать очень осторожно, с бесспорными фактами в руках.

— А его радиограмма немцам разве не достаточная улика для этого? — удивился полковник.

— К сожалению, недостаточная, — со вздохом ответил генерал. — Она выловлена нами

из эфира, и на ней нет никаких следов ее автора. Гэмп, или как его там, всегда сможет отпереться от нее, а нам нужно поймать его с поличным.

— Как же тогда быть?

— Контрразведчики придумают что-нибудь, — убежденно заметил генерал и перевел разговор на другую тему.

Когда машина подъехала к участку, на котором происходила тренировка в сборке моста, Куличев приказал шоферу остановиться. Он долго внимательно рассматривал пологий овраг, через который был переброшен балочный мост из тщательно ошкуренных бревен.

— Так, — произнес он, наконец, — место выбрано подходящее — и по размерам и по очертанию. Воды вот только нет.

— Будет и вода, — весело ответил полковник. — Сегодня проведем генеральную репетицию с водой. Рядом речушка, отведем ее временно в овраг. Все подготовлено к этому.

— Ну-с, — довольно улыбнулся генерал, — тогда не хватает только музыки.

— Будет и музыка! — радостно воскликнул полковник.

«Музыка» была главным его сюрпризом, и он с настроженным вниманием смотрел теперь в глаза генералу, стараясь угадать, какое впечатление это произведет на него.

— И музыка будет? — будто не поверив, переспросил генерал. В глазах его блеснул веселый огонек.

Оживившись, он быстро вышел из машины и торопливо зашагал к мосту, возбужденно говоря на ходу:

— Ну, это уж совсем хорошо, Андрей Иванович! Просто чудесно! Не хуже, пожалуй, чем у Александра Васильевича Суворова при подготовке к штурму Измаила. А музыка от кого будет?

— Из артполка, — ответил Ковалев. — Оркестр приличный: смешанный дивизион из четырехорудийных батарей да полковых минометов. Сегодня поработаем под их аккомпанемент. Не пехоте же только да танкам ходить за огнем валом в атаку, атакуем реку и мы, саперы, под артиллерийским прикрытием.

— Ничего не скажешь, — удовлетворенно заметил Куличев, — генеральная репетиция по всей форме. Посмотрим, однако, как ваши саперы работают.

Поднявшись на возвышенность, с которой хорошо был виден весь фронт работ по наводке моста из заранее заготовленных деталей, генерал стал наблюдать за саперами. Установка рамных опор только еще заканчивалась, а новые команды быстро, но без суеты несли уже тяжелые, аккуратно отесанные на два канта бревна прогонов. Движения и действия всех солдат были при этом настолько согласованны, что нельзя было выделить кого-нибудь одного, на ком невольно остановился бы глаз. Разве, может быть, особенно приметен вон тот коренастый сапер, сидящий верхом на насадке рамы и ловко подхватывающий подаваемые ему снизу концы брусьев.

— Кто вон тот ефрейтор, на втором с нашего берега устое? — заинтересовался генерал.

— Без пилотки который? — спросил Ковалев. — Это Матвеев, товарищ генерал. Кава-

лер двух орденов «Славы». Три раза ранили его, а он все еще воюет. Да как воюет! А мастер какой! На гражданском строительстве ему бы самый высокий разряд дали. И вы не думайте, что он к нам готовым плотником пришел. Ничуть не бывало. Маляром он до войны работал. Это уж у нас по плотничьему делу его «натаскали», как старшина Березкин выражается.

Ковалев хорошо знал своих людей и говорил о них охотно, с большой теплотой. Генерал с удовольствием слушал его, радуясь душевности отношений полковника к своим людям.

10. ЗВАНЫЙ УЖИН

Вечером к начальнику штаба саперной бригады зашел подполковник Сидоров.

— Что-то редко стал к вам захаживать этот Гэмп, — сказал он, беря предложенную майором Ратниковым папиросу.

— Понял, видно, что у нас ничего не удастся разнюхать, — ответил Ратников. — Сегодня он всего один раз пользовался нашей рацией, да и в штабе не очень задерживался.

— Зато рыскал весь день по лесу, вынюхивал что-то, — усмехнулся подполковник Сидоров. — Но мы его далеко не пустили.

— А чего с ним вообще церемониться? — спросил Ратников.

— Приходится, ничего не поделаешь.

— А, по-моему, давно пора ликвидировать эту американскую «летающую шпионскую резиденцию».

— Мы, напротив, в гости хотим пригласить ее хозяина, — улыбнулся подполковник, хитро прищурив правый глаз.

— В гости? — удивленно переспросил Ратников.

— Да, маленький банкетик для него соорудим, в порядке, так сказать, союзнического гостеприимства. Как вы на это смотрите?

— Да я что, — смущенно проговорил Ратников. — Если нужно, то отчего же не пригласить? Вам виднее, а меня это не касается.

— Вас-то как раз это и касается, — весело попыхивая папирсой, заметил Сидоров.

— Меня? — пожал плечами Ратников.

— Да, вас. Именно вам придется пригласить командира «летающей крепости» капитана Чарльза Крокера к себе в гости.

— Вы что, шутите?

— Нет, совершенно серьезно.

Подполковник потушил папиросу и бросил ее в распиленную надвое медную гильзу снаряда, служившую пепельницей.

— Присаживайтесь, — кивнул он майору. — Поговорим об этом серьезнее. У вас ведь рация в соседней землянке?

— Так точно.

— В таком случае помещение это вполне подходящее. Американского гостя вы примете здесь. Нужно только оборудовать приличный стол и пригласить для компании кое-кого из ваших офицеров.

Майор недоуменно развел руками:

— Как же можно это сегодня, товарищ подполковник? Вы же знаете, что предстоит утром?

— Да, да, я все знаю, товарищ майор, — твердо произнес подполковник. — Знаю, что утром предстоят серьезные события, но то, что поручается вам, не менее серьезно. Вопрос этот уже согласован с генералом Куличевым и вашим полковником. Вы нужны нам как человек, хорошо знающий английский язык. Я тоже буду присутствовать на этом «званом вечере», но я не в таком совершенстве владею английским, как вы. Понимать-то я понимаю все, а вот произношение у меня прихрамывает. Короче говоря, нам с вами поручается провести эту маленькую операцию — угостить американского гостя хорошим ужином.

— Ясно, товарищ подполковник, — не очень весело отозвался майор Ратников.

— Пригласите по такому случаю еще трех-четырех офицеров, которые не будут заняты завтра утром, а уж я позабочусь о капитане Крокере.

Подполковник отвернул рукав кителя и посмотрел на часы.

— Сейчас девять. Постарайтесь, чтобы к десяти было все готово. Позже я объясню вам ваш план действий.

...Подполковник Сидоров пришел в начале одиннадцатого. Постучав в дверь землянки Ратникова, он широко распахнул ее.

— Принимайте гостей, майор! — весело крикнул он и добавил по-английски, обращаясь к Крокеру: — Прошу вас, господин капитан!

Чарльз Крокер хоть и не очень уверенно чувствовал себя, но старался улыбаться воз-

можно шире и ничем не выказывать своего страха перед русскими офицерами. На нем был парадный мундир со всеми боевыми и спортивными наградами. Черные с синеватым отливом волосы капитана были тщательно расчесаны аккуратным пробором на две половины, делая Крокера удивительно похожим на банковского клерка.

— Моё почтенья, господа! — бодро произнес он фразу, специально вычитанную из русского самоучителя. — Очень радостно вас видеть!

В землянке был покрыт зеленой скатертью длинный стол, на котором стояли разнообразные закуски, вино и огромный букет цветов. За столом сидели майор Ратников, два капитана и старший лейтенант. При появлении капитана Крокера офицеры встали и поклонились. Майор Ратников вышел из-за стола и пошел навстречу гостю. Представившись и представив своих офицеров, он пригласил капитана Крокера к столу.

— Прошу принять участие в нашем товарищеском ужине, — сказал он по-английски. — Мы очень рады встрече с вами. Не очень-то часто, к сожалению, приходится встречаться нам с нашими союзниками.

— О, я понимаю ваш намек, господин майор, — рассмеялся Крокер. — Но мы еще успеем наверстать упущенное. Мы долго готовились, но уж зато теперь так всыпем наци, что война будет закончена в две недели.

— У нас на Украине в таких случаях говорят, — усмехнулся Ратников: — Нэ кажи гоп, поky нэ пэрэскочишь.

11. НА РАССВЕТЕ

А в это время в соседней землянке Чуенко и Мгеладзе сидели, склонившись над рацией, настороженно вслушиваясь в каждый шорох, доносившийся из динамика.

— А не сядут батареи, Петро, если так долго держать рацию на приеме? — с тревогой спрашивал Мгеладзе.

— Ни, нэ сядут. Новые поставил.

Чуенко был неразговорчив сегодня. Он не спал почти всю прошлую ночь, а днем у него было много работы, но он и теперь не хотел спать, так как был удивительно вынослив. Злило его то обстоятельство, что приходилось снова сидеть тут и выслеживать «шпики в эфире», как выразился он с досадой, а ему доподлинно было известно, что второй радист штаба бригады получил на эту ночь какое-то очень важное оперативное задание и уже ушел, наверное, с разведвзводом к переднему краю фронта. Глядя на его печальное лицо, сержант Мгеладзе сказал сочувственно:

— Что горюешь, Петро? Брось горевать. Как это у вас, украинцев, говорится: «Гоп, кума, нэ журься, туды-сюды повэрнься». Так чи нэ так, Петро?

— Э, брось ты базикаты, Арчил! — сердито махнул рукой Чуенко.

— А що цэ такэ — «базикаты»? — спросил Мгеладзе, который был в хорошем настроении и очень хотел развеселить своего приятеля.

— Базикаты это все равно, что цвэнькаты, — смеясь, ответил за радиста старший писарь

Батюшкин, работавший в последние дни в землянке Чуенко. — Розумиешь?

— Ни, нэ розумию. Петро, ты ведь обещал меня украинской мове в совершенстве обучить. Где же твое обещание? — подзадоривал Мгеладзе радиста.

— Та видчипэсь ты, Арчил, — проворчал Чуенко, но голос его повеселел немного.

— А цвэнькаты, — невозмутимо продолжал пояснять Батюшкин, у которого сегодня тоже было хорошее настроение, — означает ляпаты без глузду языком.

— Ото добрэ Василь Федорович по-украинськи балакает! — не выдержав, рассмеялся Чуенко.

— Вот теперь у тебя та физиономия! — весело воскликнул Мгеладзе. — А то была кислота какая-то. Смотреть тошно!

— Что-то вы, однако, уж очень разболтались, хлопцы, — заметил Батюшкин. — Проверьте-ка лучше, не сбилась ли настройка.

— Рано ще, — ответил Чуенко. — Вчера тильки в трэтей године той тип признаки став выявляты.

— Ну, вчера в третьем часу, а сегодня, может быть, и в двенадцатом, — заметил Батюшкин, — так что будьте начеку.

Время шло медленно, а в эфире попрежнему все было спокойно. В первом часу заглянул в землянку подполковник Сидоров и спросил:

— Ну, что слышно, радисты?

— Тишь та гладь, товарищ подполковник, — ответил Чуенко. — Мабуть, волну переменял цэй мерзавец?

— Не думаю,— ответил подполковник.— Во всяком случае вы продолжайте слушать на этой волне.

Подойдя к телефону, он назвал позывной одного из отделов контрразведки и, когда ото-звался кто-то, спросил:

— Ну что там у вас? Тишина? И у нас все в порядке. Гость делает вид, что компания наша ему нравится. Ведет себя довольно раз-вязно, но пить много, видимо, побаивается. Выяснилось, что любит музыку. Пришлите пла-стинок, патефон у нас есть. Подберите что-нибудь из легкого жанра. Боюсь, что наши классики не дойдут до него. Он ведь даже опереточные арии считает слишком серьезной музыкой. Что? Не хочет ли спать? Говорит, что выспался за день и рад хорошей компа-нии. Когда будет что-нибудь новое, звоните мне сюда, на «Двину», кто-нибудь из сержан-тов вызовет меня от Ратникова.

Положив телефонную трубку, подполковник подошел к рации, проверил настройку и ушел, еще раз предупредив сержанта быть внима-тельным.

Прошел еще час, а рация попрежнему без-молвствовала.

— Ты бы накал проверил, Петро, — тре-вожно сказал Мгеладзе. — Не сели ли бата-реи.

— Не лизь попэрэд батька в пэкло, — мах-нул на него рукой Чуенко. — Сам як-нэбудь разбэрусь.

Помолчав немного, Мгеладзе заметил:

— Ты бы прилег, Петро, а я подежурю за тебя. Смотри, батько уже улегся.

Батюшкин и в самом деле устроился на стоявших в землянке Чуенко сундуках со старыми инженерными уставами и наставлениями и тихонько похрапывал.

— Брось ты смешить меня, Арчил, — рассмеялся Чуенко, — батюку разбудим.

Около двух часов в землянку зашел пожилой ефрейтор, вернувшийся с дозора, и сообщил, что в лесу полно танков и самоходной артиллерии.

— Похоже, что утром начнется, — многозначительно заметил он. — Наши минеры тоже к переднему краю ушли. Строители моста там уже с вечера.

Чуенко только вздохнул сокрушенно, бросив злобный взгляд на рацию, как будто она была виновницей всех его неприятностей.

— А как думаешь, когда все-таки? — спросил Мгеладзе.

— Светать начинает, — ответил ефрейтор, доставая кيسет с махоркой, — я так полагаю, что к восходу солнца должно начаться. Солнце теперь рано поднимается, не спится ему, видать. Старший техник-лейтенант днем говорил, что восход солнца сегодня по расписанию в три сорок пять, а может быть, по случаю чрезвычайных событий и раньше поднимется, — усмехаясь в пушистые прокуренные усы, заключил он.

— Ну, ладно, поболтали и хватит, — проворчал проснувшийся Батюшкин. — Дайте Чуенко работать.

— Ничего себе работенка! — покачал головой радист, поправляя настройку, и как раз в это время защелкало что-то в динамике.

Все сразу насторожились, а Батюшкин, встав с сундука, на носках осторожно подошел к радию и, подняв вверх указательный палец, сердито зашипел на всех, призывая к тишине.

— Инглаул... инглаул... инглаул... — раздался вскоре уже знакомый Чуенко завывающий голос.

— Беги к подполковнику, Арчил, — торопливо бросил радист Мгеладзе. — Скажи, что «Филин» объявился.

Не успел еще сержант выбежать из землянки, как раздался телефонный звонок. Батюшкин бросился к телефону и рывком взял трубку.

— Сидорова срочно! — приказал кто-то.

— Слушаюсь! Вызываю, — ответил Батюшкин и, не кладя трубки, стал ждать прихода подполковника, не сводя глаз с могучей фигуры Чуенко, склонившейся над радией.

Подполковник Сидоров торопливым шагом вошел в землянку и, ничего не спрашивая, взял трубку у Батюшкина.

— Сидоров у телефона, — сказал он. — Так, ясно. Тут тоже кое-что нащупали. Все понятно, будем действовать.

Положив трубку, он быстро подошел к радию и стал прислушиваться. Хриплый голос все еще выкрикивал:

— Инглаул... инглаул... инглаул...

— Слышимость сегодня плохая, — шепотом заметил Чуенко, — видимо, никак он с этим «Филином» не свяжется.

— Постарайтесь, чтобы слышимость не падала, — сказал подполковник. — Я сейчас...

Он почти бегом бросился к выходу и спустя несколько минут снова возвратился уже с капитаном Крокером. У капитана было красное лицо и испуганные глаза.

— Так вы говорите, что у вас нет позывного «Филин»? — спрашивал его подполковник.

— Нет, такого у нас и не было никогда, — удивленно ответил Крокер.

— А вы вот послушайте, пожалуйста, — подвел его подполковник к рации. — Слышите? Чей это голос, по-вашему?

— Удивительно знакомый голос... — смущенно ответил Крокер.

— Я подскажу вам, — усмехнулся Сидоров. — Это голос вашего сержанта Гэмп. Слышите, он вызывает «Филина». Рация на вашем самолете, следовательно, в порядке. В порядке она была и в прошлую ночь. Да, и вообще, видимо, никогда не портилась. Что вы на это скажете, господин капитан?

Крокер растерянно мигал глазами, не зная, как выйти из затруднительного положения.

— Слышите, — продолжал подполковник. — Гэмп начинает передавать «Филину» шифрованную радиограмму. Вот первая, ключевая группа цифр... А вот уже и текст.

В динамике прозвучало еще несколько слов, и вдруг частый глухой ритмичный звук стал забивать голос, произносивший цифры.

Подполковник вздохнул облегченно и довольно заметил:

— Ну, Гэмпу не удастся теперь больше ничего передать «Филину». А «Филин», как мы установили еще вчера, — это агент немецкой разведки по ту сторону фронта. Вот раскоди-

рованная шифrogramма, переданная ему вашим радистом.

В начале оробевший было капитан Крокер взял теперь себя в руки и воскликнул с приторным возмущением:

— Так вы, значит, обвиняете нас в шпионаже?!

Хотя Сидоров ни минуты не сомневался, что Гэмп действует не без участия или, уже во всяком случае, с ведома Крокера, он все же нашел благоразумным ни в чем пока не обвинять его и ответил спокойно:

— Я имею в виду, господин Крокер, одного лишь сержанта Гэмпа, явно работающего на немцев во вред не только нам, но и вам, нашим союзникам. Прошу вас в связи с этим, господин капитан, оказать нам содействие в его задержании.

У Крокера невольно отлегло от сердца. Русские, значит, ни в чем не обвиняют его лично, а этот наглец Гэмп раз уж засыпался, то пусть и понесет один всю ответственность за свою бездарность. Нечего ему, капитану Крокеру, портить свою служебную карьеру из-за этого неудачника...

— Я сделаю все, что подскажет мне моя совесть, — глухо проговорил он, хмуро глядя на подполковника Сидорова.

12. ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Сержанту Джиму Бемблю, назначенному в караул, давно уже надоело ходить вокруг «летающей крепости», и он все чаще останавливался у освещенного луной изображения

двух карт на борту фюзеляжа, под которым была надпись «Блэк Джэк», что означало — черный валет. Чем больше приглядывался он к изображению этого валета, тем большее сходство обнаруживал между ним и своим капитаном Чарльзом Крокером.

«Черт возьми, — весело подумал Джим Бембль, — как это мы раньше не замечали этого? Ну то, что наш Чарли пиковой масти, это само собой. Но ведь и нос, и глаза тоже его! Да капитан, верно, специально приказал нарисовать этого валета с самого себя. Ну, конечно же! Если надеть нашему старику берет, да камзол средневековый, да еще дать в руки алебарду — ни в чем его тогда от «Черного Джека» не отличишь».

Мысль эта до того развеселила Джима Бембля, что он уже решил было разбудить кого-нибудь из приятелей, чтобы поделиться своим открытием. Но вдруг позади него раздались чьи-то шаги, и он испуганно вздернул автомат, крикнув дрогнувшим голосом:

— Стой! Кто идет?

— Свои, Джим, — услышал он знакомый голос. — Это я — сержант Гэмп.

— Где тебя черти так поздно носят, Джо? — облегченно вздохнул Джим.

— Прогуливался, — неохотно ответил Гэмп.

— А я уже думал, что наш старик тебя на банкет к русским захватил, — усмехнулся Бембль.

— Капитана разве нет еще?

— Они его теперь трезвым не выпустят, — с завистью заметил Джим. — Старик ведь не дурак выпить. А о гостеприимстве русских я

по собственному опыту знаю. Водка у них к тому же чертовски забористая.

Бембль хихикнул и хотел было посвятить Гэмпа в свое открытие, но тот уже направился к стремянке «летающей крепости».

— Да ты постой, — крикнул ему Бембль, — я тут любопытную вещь обнаружил. Пойди, взгляни-ка на нашего «Черного Джека».

— Убирайся к черту вместе со своим «Черным Джеком»! — ответил Гэмп и стал подниматься по стремянке.

Это разозлило Бембля. Ему захотелось чем-нибудь испортить настроение зазнайке Гэмпу. Подумаешь, тоже важную персону из себя корчит!

— Могу поделиться с тобой по секрету, — крикнул он радисту, уже поднявшемуся на борт самолета: — Мне перед отлетом в этот рейс гадалка одна сказала, что посудину нашу следует назвать не «летающей крепостью», а «летающим гробом». Заметил, верно, на борту ее туза и валета? Прикинь-ка, сколько это очков будет? Туз — одиннадцать да валет — два, итого — тринадцать — чертова дюжина.

— Заткнись со своими пророчествами, — презрительно отозвался Гэмп, хотя на душе у него стало нехорошо от этой злосчастной цифры. Он имел уже однажды неосторожность остановиться в тринадцатом номере гостиницы в Париже. Это чуть не стоило ему потери шпионской карьеры, так как в первую же ночь кто-то выкрал у него из номера портфель с компрометирующими его материалами.

И без того плохое настроение Гэмпа еще более ухудшилось от мрачного пророчества

Джима Бембля. Поспешно пробравшись в радиорубку, он включил свет и стал придумывать текст радиogramмы «Филину». Что он мог сообщить ему из расположения русских войск, где даже простые солдаты умеют держать язык за зубами? Разве купишь тут кого-нибудь за доллары, на которые начальство в Штатах возлагает такие преувеличенные надежды? Попробовали бы они сами поработать в этих условиях, черт побери! За весь день так и не удалось ничего разнюхать, а ночью ему вообще вежливо дали понять, что не пустят далеко от «летающей крепости».

Что было делать в такой обстановке? Он взобрался на самое высокое дерево, высмотренное им днем, но и с него ничего не мог заметить. А ведь по всему чувствуется, что Советская Армия готовится к решительным действиям.

Что же, однако, сообщить «Филину», кроме этих предположений?

Гэмп два раза начинал писать и оба раза, раздраженно скомкав бумагу, злобно бросил ее на пол. Но делать все же было нечего, нужно сообщить хоть что-нибудь. И он написал: «У русских необычное оживление. Слышу шум танков и самоходок. В частях усилилась бдительность. Вскоре нужно ждать решительных действий».

Гэмп понимал, конечно, что гитлеровцы, видимо, и сами догадываются об этом, но ничего большего сообщить им не мог и, чтобы внести в расплывчатые сведения хоть какой-нибудь элемент определенности, решил присочинить еще несколько слов на свой страх и риск: «Со

здесь задание командования. Вот мои документы.

Он сунул лейтенанту небольшую книжицу в твердом переплете и резко приказал:

— Не теряйте же времени даром, лейтенант! Объявите боевую тревогу и немедленно поднимайте самолет в воздух. Ответственность я беру на себя.

Растерявшийся лейтенант не знал, что делать, а Гэмп добавил угрожающе:

— Имейте в виду, вам придется отвечать за вашу медлительность.

Бетс только вздохнул и, открыв дверь самолета, крикнул вниз Джиму Бемблю, все еще стоявшему на посту:

— Объявите боевую тревогу, сержант!

Спустя несколько минут все были уже на ногах, и бортмеханики запускали моторы. В их реве летчики не слышали грома первых залпов артподготовки. А когда «летающая крепость» медленно поднялась над лесом, Гэмп, бросившись к смотровому стеклу, увидел в стороне фронта пламя от разрывов снарядов по ту сторону реки, где были оборонительные позиции гитлеровцев. Пока самолет делал большой круг, медленно набирая высоту, Гэмп отчетливо разглядел сквозь оптическое приспособление людей на русском берегу реки и понял, что это были советские сапёры, наводившие мост под прикрытием артиллерийского огня. Артогонь был, видимо, настолько плотен, что вынудил фашистов зарыться в своих блиндажах и траншеях и не отвечать ни единым выстрелом.

«Теперь все кончено... — безнадежно подумал Гэмп, бессильно опустив руки. — Русские нас перехитрили. Они наведут мост не после артподготовки, а во время ее. Гитлеровцы теперь бессильны помешать им...»

В том, что оборонительные позиции гитлеровцев будут прорваны советскими войсками, Гэмп больше не сомневался. Единственным утешением его была мысль: «Хорошо хоть, что русские заглушили мою передачу. Я могу утверждать теперь, что хотел сообщить «Филину» точное время, место и способ форсирования реки советскими войсками...»

Радовало Гэмпа и то, что ему так счастливо удалось удрать от русских. Русские, он знал, не очень-то церемонятся с людьми такого сорта, как он. Конечно, неприятностей теперь и без того не оберешься, но все-таки можно считать, что он еще сравнительно счастливо отделался...

Но что такое? Почему самолет начинает снижаться? Гэмп бросился к кабине лейтенанта и закричал:

— Что такое с самолетом, лейтенант?

Но лейтенант или не расслышал его в шуме моторов или сделал вид, что не расслышал. А самолет опускался все ниже и ниже. Наконец, он приземлился на ту же площадку, с которой только что поднялся. Лейтенант медленно снял руки со штурвала и сбросил с головы шлемофон.

— В чем дело, Бетс? — хрипло спросил Гэмп, когда утих шум моторов.

— Я выполнил приказ капитана Крокера немедленно идти на посадку, — устало отве-

тил лейтенант. — Он отдал этот приказ по радио.

— А мой приказ?

— Я не мог идти на риск. Взгляните на небо, и вы поймете меня.

Гэмп поднял голову и увидел сквозь стеклянный колпак «летающей крепости» сотни советских самолетов, идущих на бомбежку позиций противника.

Гэмп перевел взгляд на землю и заметил подъезжавшую к «летающей крепости» открытую машину с советскими офицерами, среди которых был и капитан Крокер.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. В штабе инженерной бригады	3
2. Опасения капитана Крокера	17
3. План командира бригады	22
4. По ту сторону фронта	31
5. Джордж Гэмп интересуется черновиками . .	36
6. Капитан Крокер боится провала	42
7. Ночью	47
8. Генерал Геслинг принимает меры	55
9. Подготовка	61
10. Званый ужин	67
11. На рассвете	71
12. Вынужденная посадка	78

Н. Теман — Вынужденная посадка

Редактор *М. Н. Алексеев*

Художник *Г. А. Галайдов*

Технический редактор *Т. Ф. Мясникова*

Корректор *Л. С. Яцкова*

Сдано в набор 24.01.55. Подписано к печати 26.03.55.

Формат бумаги 70×92¹/₃₂ — 2³/₄ печ. л. = 3,218 усл. печ. л.

3,05 уч.-изд. л. Г-12080.

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/7942. Зак. 72.

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства

Министерства Обороны Союза ССР

Цена 80 коп.

Цена 80 коп.